

Россия XXI: солдаты Апокалипсиса

V.U.N.K.E.R.

ЛЕВ ПУЧКОВ

ИНКУБАТОР

Лев Пучков
Инкубатор
Серия «В.У.Н.К.Е.Р.», книга 4

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4575335
Л.Н. Пучков. Инкубатор: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-45729-6

Аннотация

Отправляясь на бал-маскарад во дворец высокопоставленного вельможи, Алекс Дорохов рассчитывал познакомиться с влиятельными людьми и прекрасно провести время. Он даже представить себе не мог, что чудесный праздник превратится в кровавый кошмар, а подразделение «Бункер» окажется в самом эпицентре тайной войны между Серыми Кардиналами России. Но операция уже началась, элитные ассасины «теневой гвардии» получили задачу и команде Алекса придётся либо встать на чью-то сторону, либо погибнуть.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Л.Н. Пучков

Инкубатор

Ребята, все, что написано в этой книге, – сказка.

Не ищите здесь какие-то совпадения и аналоги.

*Для особо информированных приключенцев, диггеров и сталкеров
дополнительно сообщаю: все объекты выдуманы.*

*Все названия подразделений и структур придуманы автором и не
имеют ничего общего с наименованиями реальных аналогов.*

Проект «V.U.N.K.E.R»

Дело № 4

«Инкубатор»

«...Они люди. И их можно убить...»

Штефан Зиверс. Евангелие от волкодава, откровение 1/1

Пролог

– И кем же вы меня видите в новой Династии?
– Президентом или Премьером, разумеется.
– «Разумеется»? У вас в Семье нет претендентов на эти посты?
– Есть, но... Фактура не та. Ты красивый. Обаятельный. Спортивный. С чувством юмора все в порядке. А эти... ну вот сам посмотри, одни ведь уроды. Как таких на престол сажать?

Игорь посмотрел две на нижние ветви генеалогического древа: в самом деле, ребята страшненькие, даже жалко их, больных. И не найдется ведь доброго человека – пристрелить, чтоб не мучились.

Однако Президент и Премьер – это вовсе не синекура. Должности очень хлопотные и нервные, постоянно на публике, на острие внимания, рабочий день не нормирован, вкалывать приходится с утра до ночи, так что на собственно «наслаждение властью» времени не остается вообще. Одним словом, это тяжелая и неблагоприятная работа.

– Если есть такая возможность... Я бы хотел остаться в Кабинете.

– Извини, нет такой возможности. Кабинет уже давно укомплектован, так что ничего пообещать не могу.

А вот такая искренность – это уже хорошо. Это обнадеживает. Ничего ведь не стоило посулить: «не вопрос, возьмем тебя в Кабинет», а потом просто поставить перед фактом.

Эта искренность придавала деловому предложению совершенно иную степень достоверности. Игорь взял тайм-аут и бегло проанализировал, насколько предложение реально, и нет ли тут какого-то подвоха.

Да нет, вроде бы реально на все сто. Становление новой Династии неизбежно влечет перестройку всей официальной структуры Власти, в том числе и основного Тандема. Игорь прекрасно вписывается в этот Новый Порядок по всем параметрам. Кроме того, он будет всем обязан своим хозяевам и, будучи в чужом (и отчасти враждебном) окружении, совершенно точно в ближайшие несколько лет не устроит заговор.

Они в самом деле нужен им.

– Смущает одно.

- Что именно?
- Придется идти против отца.
- Да, придется. Иначе никак. Но, хочу напомнить... Независимо от того, примешь ты предложение или нет, сдвиг в Династии неизбежен... Ты думал о том, что будет с тобой, когда Верховного не станет?
- Думал.
- И?
- Скорее всего, меня просто убьют.
- Ну так вот, у меня плохие новости... В самое ближайшее время Верховного не станет. С тобой ли, без тебя – это предопределено... Итак?
- Что ж... Я согласен.
- Молодец. Знаешь, я и не сомневался. Ты умен и прозорлив. И прекрасно понимаешь, что у тебя просто нет другого выбора...

Глава 1

Инкубатор. Полигон № 3

Ворон хорошенько встряхнул пластмассовый стаканчик с кубиками и, придерживая его протезом левой руки, по традиции уточнил:

- Ну что, товарищи убивцы... Сверху, снизу, сами?
- Сами! – дружным хором выдала боевая тройка.
- Ну, как скажете. Кто?
- Триста шестьдесят девятый.
- Держи...

Пять кубиков подпрыгнули на обшарпанной дубовой столешнице и выдали цифру «четырнадцать».

- Негусто, – Ворон протезом сгреб кубики в стаканчик и стал опять его трясти. – Кто?
- Три семь три.
- Забирай, – кубики выдали цифру «девять». – Хм... Совсем негусто.

В третий раз кубики дали «двадцать три».

– Что ж, вы все видели. Командир группы – Триста Семидесятый. Крути, тяни задание. Выбор командира группы – это единственный момент в учебном дне, когда что-то зависит от руководителя занятия.

Отсюда и далее командир будет сам выбирать, как «жить и работать» группе в течение нескольких следующих часов.

Руслан подошел к барабану и крутанул ручку.

Барабан примерно такой же, как в популярных телепрограммах, устроенных по системе «лото», только полностью непрозрачный. Впрочем, у Руслана сотоварищи таких ассоциаций нет, они смотрят внутреннее «кино» Инкубатора, тщательно отфильтрованное и подобранное под программу обучения. Поэтому они называют этот старый гремучий барабан «Раздачей», относятся к нему с большим уважением и отчасти даже наделяют его некоторыми свойствами живого существа.

Задания бывают всякие: легкие, нормальные, тяжелые и просто тройной «П» (Подляна – Подстава – Провал). Среди курсантов бытует мнение, что «Раздача» кого-то любит, а кого-то не очень, и если относиться к ней без должного уважения, будешь регулярно получать пресловутые три «П».

– Полегче не прошу... – еле слышно прошептал Руслан. – Но если получится, дай третий сектор...

Барабан перестал крутиться, Руслан вытащил два кубика: маленький с цифрой «21» и побольше с номером «12» – и показал руководителю занятий.

Ворон кивнул и тут же позвонил Графиту:

- Тут к тебе убивцы просятся. Хмм... Накрывай на «очко».

Что ж, не повезло. Задание в 12-м секторе, это нехорошо. Сегодня «Раздача» явно не в духе.

Соратники выбор командира восприняли бесстрастно. Любой из них мог оказаться на его месте, и вытащить из «Раздачи» все что угодно.

В Инкубаторе сизмальства приучают любить и уважать Закон Случайных Чисел, относиться к нему как к норме жизни и... даже работать с ним. Тот факт, что человеком сплошь и рядом управляет Случай, это вовсе не Рок, как считает большинство индивидов, а обычная человеческая недалекость, неумение грамотно встраиваться в цепь событий, последовавших за собственно Случаем, и отсутствие навыков работы в крайних ситуациях. Иначе

говоря, в Инкубаторе с детства учат управлять любой ситуацией, независимо от того, каким набором случайностей она была спровоцирована. В общем-то, это умение хорошо и полезно для каждого. Но для Стилетов это своего рода закон жизни, поскольку при их роде деятельности все те, кто не соблюдает этот закон, очень быстро умирают.

– Нагрузка, – скомандовал Ворон, подвинув к краю стола стаканчик с кубиками.

Руслан накрыл стаканчик правой ладонью, ловко перевернул его вверх дном и принялся встряхивать. Двумя руками трясти удобнее, но у Ворона вместо левой протез, поэтому все курсанты из чувства такта трясут стаканчик одной рукой, и лишь в тот момент, когда бросают «зары» на стол, чуть придерживают его за доньшко другой. В отличие от обычных кубиков, которые используют во многих играх для обычных людей, на местных нет «шестерок», поскольку одна грань у них пустая.

– Девять... Пятнадцать... Семь, – записал результаты Ворон.

Три категории. Три броска.

В Инкубаторе есть легенда, что много лет назад был умник, который трижды кряду выбросил пять «нулей». Наверное, эту легенду придумал кто-то из инструкторов: то ли, чтобы поиздеваться над курсантами, то ли, напротив, чтобы верили в Удачу и не опускали крылья. Однако при Руслане такого не было ни разу, всегда получается какая-то нагрузка по всем трем категориям.

Сегодня выпал почти что стандарт, за исключением последнего пункта: из обстановки – собаки; из ситуации – тревожное состояние охраны в ожидании нападения; из состояния – сильное алкогольное опьянение.

Когда речь идет о работе в 12-м секторе, Руслан и прочие курсанты категорически не любят алкоголь. Позже будет понятно, чем именно это вызвано, а пока что можно сказать о предпочтениях: если бы была возможность выбирать, в категории «состояние» Руслан без колебаний выбрал бы любую другую нагрузку. Даже крайне неприятная «раненная конечность» – специальный капкан формата «наноподагра», причиняющий сильную боль и заметно ограничивающий движение, предпочтительнее алкоголя, если речь идет о двенадцатом секторе.

– Однако тебе сегодня фартит, – Ворон знает про эту нелюбовь и сочувственно поджимает губы. – Сначала к Графиту в гости угодил, потом бухло в придачу... Чет ты сегодня не с той ноги встал.

Товарищи Руслана замечание руководителя занятий пропустили мимо ушей и вообще, к нехорошей нагрузке отнеслись философски. Это вовсе не показное хладнокровие и уж тем более не бравада в угоду командному духу. Они и в самом деле не имеют никаких претензий к Руслану за неудачный выбор. Точно так же, как не было бы претензий у него самого, окажись сейчас на его месте кто-то из соратников.

«Стилетов» с детства приучают приноравливаться к самым невероятным условиям, гибко подстраиваться под любую ситуацию и не проявлять эмоций по поводу отсутствия благосклонности Фортуны.

Любой расклад – это вовсе не Предопределение, а всего лишь работа.

Если тебе выпал скверный расклад, это не значит, что ты неудачник. В системе координат Инкубатора такого слова не существует.

Скверный расклад – это вовсе не Рок, а всего лишь дополнительная работа.

Просто тебе и твоим братьям придется поработать больше, чем в случае, если бы выпал хороший кубик, только и всего. Больше усилий, больше времени, как следствие – вы получите больше опыта и выйдете более закаленными из этого испытания. Какие уж тут претензии. Спасибо командиру за дополнительную практику.

Отдав по телефону дополнительные распоряжения Графиту по поводу нагрузки, Ворон позвонил каптеру и отправил тройку выводить на должный уровень категорию «состояние».

– Топайте на «грузовую площадку», примите по пять капель за мое здоровье...

«Грузовая площадка» здесь же, в командном бункере. А «пять капель» – это пятьсот грамм водки на брата (по пол-литра), стандарт для занятия.

Курсанты не спеша приняли дозу в пять приемов, запивая крепко газированным куриным бульоном, специально для такого случая доставленным с кухни. Человека, непривычного к такого рода «закуси», наверняка бы замутило, но организм «стилета» адаптирован к различным бытовым ядам и токсинам, а также к разного рода экзотическим продуктам. Например, когда в последний раз у Руслана в качестве нагрузки был алкоголь, запивать пришлось обжигающим борщом, разумеется, газированным. Специально «закусь» никто не готовит, что остается с обеда из первых блюд, то подогревают и несут. А собственно «газировка» – изобретение Ворона. По нормативам есть ограничение на количество спиртного (не более 230 г. чистого алкоголя, независимо от веса реципиента, или же пол-литра водки) и категорическое требование запивать насыщенным мясным бульоном.

Ворон полагает, что для «стилета» это просто смехотворная норма, тем более, пополам с бульоном. А поскольку насчет температуры бульонов и наличия в них СО₂ в нормативах не сказано ни слова, Ворон пользуется незыблемым правилом «разрешено все, что не запрещено» и курсанты под бдительным присмотром одноглазого каптера запивают алкоголь шипучим горячим варевом.

Заправившись газированным бульоном с водкой, курсанты надели куртки и отправились «поверху» в 12-й сектор Полигона № 3.

* * *

Инкубатор располагается на окраине одного из действующих учебных центров Министерства обороны Российской Федерации. Поскольку учебный центр готовит специалистов для ряда интересных и загадочных подразделений разных родов войск, он хорошо охраняется и здесь не принято задавать лишних вопросов. На огромной территории центра расположено немало «хозяйств» с особым статусом и доступом. Здесь так было от века, поэтому полигоны Инкубатора органично вписываются в атмосферу всеобщей секретности и никому не мозолят глаза. Для «соседей» же есть рабочая легенда – «Особые Испытательные Площадки ГРУ». Любой импортный шпион, по какому-то недоразумению затесавшийся на территорию учебного центра, легко может проверить эту легенду по линии своих «кротов» в ГРУ (если таковые имеются): в Генеральном штабе непременно подтвердят, что это реально те самые площадки.

Так получается, что на полигонах Инкубатора регулярно мелькают младшие группы и «соседи» это видят. Для такого случая тоже есть двухуровневая легенда: официальная – военно-патриотическая работа, вроде как юннаты на зарницу приходят, и доверительная, для «своих» – сотрудники особых площадок злоупотребляют «Закрытым» статусом и таскают своих детишек пострелять и побаловаться с боевой техникой. Насчет несерьезности этой версии и отсутствия в ней глубокого эшелонирования никто не беспокоится: легенда есть, при необходимости ее подтвердят на самом высоком уровне в Генштабе, а все остальное вторично.

* * *

Боевая тройка неспешно топала по слегка припорошенной снегом дорожке к двенадцатому сектору, быстро пьянела на ходу и между делом любовалась мистическим закатом.

Снежок приятно хрустывал под ногами, на вышках уже зажглись сигнальные огни, и так тихо и покойно было кругом, что все трое невольно замедлили шаг, чтобы хоть ненадолго задержаться в этой Рождественской идиллии, подышать свежим воздухом и собраться с духом, прежде чем нырнуть в мрачные недра «Госдепа».

12-й сектор Третьего Полигона – это, собственно, два смежных сектора, «Рублевка» и «Госдеп». В первом несколько дорогих усадеб с разными типами охраны, а во втором одно большое здание, печально известное среди курсантов своим подвалом.

У крыльца с минуту постояли, собираясь с духом. Вволю, со вкусом, подышали, как будто таким образом можно было набрать запас для предстоящего испытания, затем Руслан, на правах старшего, скомандовал:

– Все, братья, перед смертью не надышишься. Заходим.

Миновав просторный вестибюль, заваленный мишенями, манекенами и муляжами, троица синхронно даванула неприязненного «косяка» в сторону лестницы, ведущей в подвал, и поднялась на второй этаж.

В «учительской» их подждал Графит, коротавший время за чаепитием и чтением мемуаров сэра Лоуренса на английском языке.

– Ну что, барбосы... – оторвавшись от книги, Графит обвел троицу немигающим взглядом и жутковато улыбнулся всей нижней половиной лица. – Вы готовы умереть от удушья?

По-другому улыбаться Графит не умеет, так же как и мигать. У него сожжено лицо и нет век. Объективно его следовало бы именовать Угольком, или Головешкой: выглядит он примерно так же, как Фредди Крюгер без маски, с которого к тому же забыли счистить сажу. Однако никто из курсантов не рискует озвучить такие проекты даже шепотом и промеж себя: Графита все уважают и боятся. Есть за что.

– Готовы, – ответил за всех Руслан.

– Рад за вас, – Графит, не закрывая книгу, традиционно уточнил: – Есть желающие отработать норматив?

– Так точно! – пьяным хором рявкнула троица.

– А смысл? – усомнился Графит. – Вы и по-трезвому его никогда не выполняли, а уж в таком виде... Вы точно этого хотите?

– Так точно! – задорно подтвердила троица.

– Рад за вас, – Графит закрыл книгу, заложив ее прозрачной офицерской линейкой, встал из-за стола и пристегнул протез к левой ноге. – Накрывайте дюжину А-18. У вас три минуты. Поехали.

Троица вывалилась из «учительской» и побежала на первый этаж.

На первом этаже, в стандартных размеров спортзале, штатно именуемом как «Малый Забой», Руслан сотоварищи принялись торопливо монтировать манекены указанного образца. Манекены таскали из примыкающей к залу кладовки и устанавливали на торчащие из пола стальные штыри с разъемами. Пол в зале сплошь испещрен забранными в стальной уголок прорезями-дорожками, образующими замысловатый рисунок, состоящий из множества геометрических фигур. Под полом тяжелые тележки с противовесами, которые катают манекены, мишени и муляжи – в общем, все, что «накроят», по прорезям-дорожкам во время занятий – в соответствии с заложенными в программу алгоритмами.

Руслану всегда было интересно, почему именно дюжина манекенов? Потому что Графит командует двенадцатым сектором или у него некий сдвиг на нумерологии? Прочих курсантов этот вопрос тоже немало занимал, но задать его Графиту никто не решался, а сам он объяснять свой выбор не считал нужным.

Несмотря на усугубленное состояние, троица управилась споро (да просто есть солидная практика, «накрывали» тут бесчисленное количество раз): через две минуты дюжина напичканных электроникой манекенов, сплошь покрытых порезами и следами укулов, была готова к работе.

Графит легко, как будто был на обеих ногах, вспорхнул на небольшой помост в углу зала. Помост огорожен прочной решеткой, на нем находится пульт управления и четыре монитора, показывающие картинку с камер, установленных по углам зала. Камеры, помимо

обычного, также работают в инфракрасном режиме: подавляющее большинство упражнений выполняются либо в полной темноте, либо в обстановке световой дезориентации.

Графит «погонял» манекены по «дорожкам», проверяя их работоспособность, затем достал из тумбы выдавший виды трехгранный стилет с деревянной ручкой и положил на край стола.

– На позицию.

Руслан взял стилет, с любовью огладил с детства знакомую рукоять и направился к окаймленному толстой желтой линией стартовому квадрату перед дверью.

Нужно перебежать отсюда в точно такой же финишный квадрат в противоположном конце зала и по ходу движения «убить» дюжину манекенов. На выполнение норматива дается тридцать секунд.

Если учесть, что исполнитель обучен убивать в одно касание и имеет колоссальную практику как факультативного характера, так и в реальных условиях боевых действий, – на первый взгляд условия кажутся вполне приемлемыми.

Но в этом нормативе есть некие особенности, которые значительно усложняют задачу: светозвуковая дезориентация, мобильность и «чувствительность» объектов. Если «врага не убить в одно касание, он подымет тревогу и тебя уничтожат». Иными словами, нужно попасть точно в сенсор, имитирующий сердце, трахею или прочие жизненно важные органы, поражение которых влечет за собой смерть. Промажешь на пару миллиметров, манекен выдаст пронзительный вопль, врубит общий свет и остановит таймер. Манекены группы «А», в отличие от своих «собратьев» рангом ниже, что валяются в вестибюле, не прощают неточностей и не дают полторасекундную задержку для второго удара. Они «вопят» сразу.

Упражнение называется «норматив Графита». Придумал его, как явствует из названия, Графит.

Каждой тройке, которой предстоит спуститься в «склеп», Графит предлагает альтернативу. Условие простое: выполняешь норматив – в склеп можешь не идти, топаешь прямым ходом в «Рублевку».

Не было случая, чтобы кто-то из курсантов отказался от норматива.

Не было случая, чтобы кто-то из курсантов хотя бы раз выполнил норматив.

– Готов?

– Так точно.

– Даю обстановку, – Графит убедился, что соратники Руслана взобрались на помост и нажал на пульте несколько кнопок.

Верхний свет погас, в зале воцарилась кромешная тьма, и манекены поехали в разные стороны. На стене за финишным квадратом загорелся тусклый плафон с убывающей цифрой: 10... 9... 8... 7...

Руслан поудобнее перехватил стилет, закрыл глаза и весь обратился в слух.

Это самое полезное время перед нормативом. «Десять секунд, которые решают все» – очень верный слоган для нескольких мгновений, которые тебе дарит Графит для оценки обстановки.

Тележки, на которые установлены манекены, при перемещении издают звук. Не особо громкий, но отчетливо различимый в тишине, и вполне индивидуальный, если ты трезв.

После водки с газированным бульоном все тележки работают на один тон. Но если ты ходишь в этот зал много лет и можешь по памяти безошибочно нарисовать маршруты всех дорожек, по которым гуляют манекены – ты в состоянии даже по этим однотонным звукам, разбегающимся в разные стороны, определить алгоритм движения целей в последующие тридцать секунд. А больше тебе и не надо.

Да, и вот еще что. Любой посторонний тут непременно сломал бы ноги впотьмах (прорези довольно широкие), но ступни «стилета», ступавшие по этому залу не одну сотню раз, «помнят» все на ощупь. Так что на ноги отвлекаться не надо.

...2... 1...

Плафон испустил ярко-красный импульс, и тотчас же включилась свето-звуковая дезориентация.

Под потолком заработали разом три стробоскопа, замигали-закрутились разноцветные фонари-мигалки, хаотично разбрасывая по залу ослепительные сполохи, душераздирающе взывала сирена, и из мощных колонок тяжело ударило Breathe – The Prodigy.

Руслан волчьей поступью припустил по залу, практически не видя обстановку в сумасшедшем световом хаосе и больше полагаясь на высчитанный накануне алгоритм, нежели на пьяное в дым восприятие.

Нащупал первую цель, убил.

Нащупал вторую, убил.

Третью...

Четвертую...

С точки зрения техники исполнения это была натуральная халтура. Формат «в одно касание» называется так не для красного словца. Он подразумевает формулу «убить одним движением».

Руслан левой рукой нащупывал цель и тотчас же наносил удар правой.

Любой «стилет» скажет, что это как минимум два касания и вообще, грубая работа «на ощупь».

Любой курсант на месте Руслана делает ровно то же самое. В этом нормативе почти все работают «грязно». Почти.

Дело в том, что все нормативы для выпускной группы подразумевают именно работу в одно касание. «На ощупь» работают младшие группы Инкубатора и официальный спецназ армии и ведомств, им это позволительно. «Стилеты» – это Мастера Смерти, у них совсем другие стандарты.

Графит, который «мониторит» норматив, видит все лишние движения и тем не менее никогда не останавливает упражнение из-за такой «мелочи».

Он прекрасно знает, что по-другому работать в этом нормативе почти невозможно. Почти.

Руслан успел поразить девять целей. Никто не «жаловался», но когда он уже нащупал десятую цель, время вышло: вспыхнул верхний свет, и автоматически отключилась свето-звуковая дезориентация.

– Почти успел, – похвалил Графит, одарив Руслана своей «фирменной» улыбкой. – Нормальный результат, я рад за тебя...

«369-й» промахнулся на пятом, а у «373-й» после восьмого вышло время.

Действительно, Руслан сегодня показал неплохой результат, учитывая, что «373-й» на этом нормативе всегда был лучшим из группы.

– Не горюйте, барбосы, – Графит забрал стилет у «373-й», упрятал его в ящик стола и направился к выходу. – Три минуты разобрать обстановку... и шагом марш в «Склеп». Удачи.

Боевая тройка уныло поплелась размонтировать манекены.

Что ж, опять не получилось.

В общем-то, это можно было бы воспринимать как традиционное издевательство и явное задиранье планки для создания заведомо невыполнимых условий, если бы не один нюанс.

Сам Графит этот норматив выполняет. В ОДНО КАСАНИЕ. Что характерно, в отличие от «стопроцентно укомплектованных» юных курсантов, полных сил и энергии, Графиту

слегка за пятьдесят, у него протез вместо левой ступни и левая половина тела частично поражена после глубоких ожогов от белого фосфора.

Но он справляется. Как видите, есть за что уважать... и бояться.

* * *

Если подходить объективно, не размениваясь на эмоции, ничего страшного в подвале «Госдепа» нет. Здесь располагаются ряд хозяйственных помещений, кладовки, подсобки, две функционирующие «коммунальные службы», а также одно «учебное место».

«Коммунальные службы», это морг и крематорий.

Инкубатор – образование закрытого типа, все его обитатели, умершие от различных причин, сначала попадают в морг, затем в крематорий. Да, по поводу конфессиональных различий в ритуалах погребения здесь проблем нет. На Третьем Полигоне Инкубатора одна конфессия и национальность – «стилет».

«Учебное место», это и есть тот самый «Склеп», упоминание о котором вызывает душевное смятение у любого курсанта старших групп.

В подвале очень чисто и по-своему даже уютно. Качественная плитка, положенная еще в пятидесятых годах прошлого столетия, старые желтые плафоны под высоким сводчатым потолком, и потрясающая тишина, в которой можно слушать биение собственного сердца и часами напролет думать и мечтать о чем угодно.

Будучи курсантом младших групп, Руслан любил здесь дежурить. Такие дежурства выпадали нечасто, но каждый раз это было как выходной от напряженной учебы и вечной суеты Инкубатора. Работы здесь немного: отдраить дочиста старый кафель, вынести мусор и выполнять различные мелкие поручения Хроноса.

Здесь впервые, в возрасте одиннадцати лет Руслан видел, как «увольняется» курсант выпускной группы, которого привезли с практики в цинковом гробу.

Не было никаких прощальных ритуалов и торжественных речей, и вообще, это не было похоже даже на простые похороны. В «предбанник» крематория вошли инструктора, преподаватели и пятеро курсантов выпускной группы. Хронос и Руслан закатали тележку с телом и, задержавшись ровно настолько, чтобы открыть заслонку, отправили мертвого в объятия бушующего пламени.

– Отдыхай, брат, – вот единственное напутствие, которое произнес Ворон. – Вальхалла встречает тебя...

Хронос и дежурный из младшей группы играли в нарды в одной из кладовок, где хозяин подвала проводил большую часть своей жизни.

Мальчишка смотрел на старших с восторгом и почтением: как же, курсанты выпускной группы – это почти что «стилеты», очень скоро они «вырастут», покинут Инкубатор и будут служить Родине, защищая интересы Высшей Власти.

Для Хроноса, разменявшего шестой десяток, Руслан сотоварищи были просто салагами, так что им пришлось ждать, когда доиграют партию. Единственной реакцией на их прибытие был вопрос дежурному:

– У нас все готово?

– Так точно! – с официальной строгостью ответил мальчуган.

– Ну так бросай кости, неча на них пялиться, – пробурчал Хронос. – А то будет тебе сейчас «домашний» в пять ходов.

Закончив партию, Хронос щелкнул дежурного по носу, предупредил:

– Если там что-то не так, остаток смены проведешь в морге...

...и, прихватив прислоненные к стене костыли, наконец-то покинул свое логово.

Мальчишка стремглав припустил в «Склеп», проверить, в самом ли деле все готово к процедуре, а боевая тройка с одноногим Хроносом медленно направилась в раздевалку.

Если кто-то обратил на это внимание – нет, Инкубатор не набирает на работу калек. И вообще, здесь отсутствует такое понятие, как «вакансия» и «кадровая политика». Весь персонал Третьего Полигона состоит из отставных «стилетов». Поскольку «стилет» – звание пожизненное, отставка принимается только в двух случаях: смерть и увечье.

В раздевалке курсанты принимают «форму ноль» (неглиже), Хронос проверяет, нет ли у них ран и повреждений.

– Допущены, – бурчит Хронос, убедившись, что курсанты целы-невредимы, и тяжело ковыляет к выходу.

Курсанты обворачиваются влажными простынями, заботливо приготовленными дежурным, надевают сланцы и топают в «Склеп».

* * *

Вот оно, то самое «учебное место», которое снискало подвалу «Госдепа», а с ним и всему двенадцатому сектору, дурную славу.

В других секторах упражнения в основном «полевые», акцентированные на тактике и тренирующие по большей части разведывательные и боевые навыки.

Профиль 12-го сектора – работа «в людях». Подразумевается, что это не простые люди (до таких «стилетам» нет никакого дела), а VIP-персоны, которых надежно защищает либо Государство, либо собственная служба безопасности.

Поэтому перед выполнением любого задания в этом секторе обязательно проводится тест на психическую устойчивость и стабильность волевого контроля. Обитатели Третьего Полигона называют этот тест уважительно и с большой буквы – Испытание.

В «Склепе» нет каменных распятий, старинных фресок, скульптур и прочей атрибутики жанра. Это обычное подвальное помещение, в котором находятся отсек реанимации, три гроба и Машина.

Машине лет полета, если не больше, поэтому она несколько крупнее «ай-пада» (шириной с рояль и выше человеческого роста). От Машины к гробам тянутся толстые пучки проводов, и при входе в помещение каждому становится понятно, что она (Машина) здесь главная, а гробы всего лишь послушные исполнители.

Говорят, что в первоначальном варианте в «склепе» были обычные барокамеры. Но они не оказывали нужного воздействия на психику испытуемых и придавали Испытанию оттенок медицинской процедуры. Поэтому руководство заменило барокамеры гробами и сразу все встало на свои места. Люди, даже прекрасно обученные и устойчивые к психовоздействию, делают четкое разделение между барокамерам и гробами. Согласитесь, это все-таки немного разные приспособления.

Гробы выполнены из дуба и окольцованы тремя стальными разъемными обручами с массивными электроприводными замками, также соединенными с Машиной. Внутри гробов сменные чехлы, покрывающие мягкий наполнитель, датчики с присосками и зажимами, и широкие прочные ремни: три поперечные, на лоб, грудь и бедра и четыре с петлями, для рук и ног.

Ремень для груди самый вредный и ненавистный. Во время испытания курсант дышит животом, но когда подкатывает приступ паники, самопроизвольно «включается» грудь и возникает эффект спазма. Этот эффект создает аутентичное ощущение, что ты похоронен под огромным слоем земли, который не дает тебе вздохнуть. Очень страшное и навязчивое ощущение, нейтрализовать его бывает значительно сложнее, чем все прочие сопутствующие «прелести» Испытания.

– По местам!

Боевая тройка укладывается в гробы, дежурный затягивает ремни, заботливо спрашивая, не давит ли где, не жмет ли. Курсанты игнорируют заботу младшего: им сейчас не до

этого. Надо как можно быстрее сосредоточиться на отравленном алкоголем организме и постараться взять его под контроль до того момента, когда закроют крышку гроба.

Хронос прикрепляет к каждому испытуемому датчики, подходит к Машине и проверяет параметры. Убедившись, что все функционирует исправно и ни у кого пока что не выпрыгнуло сердце, он задает процедурный вопрос:

– Есть желающие отказаться от Испытания?

Ответом ему служит всеобщее молчание.

От Испытания не отказываются.

За отказ положено длительное и суровое наказание, но это не главное.

Курсанту выпускной группы не страшно никакое наказание: он без проблем просидит несколько часов голышом в морозильнике, в буквальном смысле топя задницей лед, будет сутки напролет плавать по трубам перегонки в коллекторе Третьего Полигона или проведет денек в вольере с кобрами и скорпионами в зоологическом секторе.

Главное – то, что отказавшийся от Испытания автоматически становится парией и считается неполноценным. В итоге он все равно вернется и попросит повторить Испытание, но за то время, пока он будет дозревать до этого решения, Братство утопит его в презрении и навеки заклемит как прокаженного.

– Ну ладно, раз так, – Хронос кивает дежурному. – Напомню, возврата не будет, пока не выйдет время. Приступим...

Дежурный закрывает крышки гробов и защелкивает замки обручей.

Испытание началось.

* * *

Руслан лежит в крошечной тьме, намертво стянутый ремнями и пытается подготовить организм к дружбе с Машинкой. Время для разгона три минуты, затем включится мониторинг параметров организма и начнется отсчет.

С Машинкой дружить несложно. В течение двенадцати минут нужно стараться не превышать следующие параметры: пульс 40 ударов в минуту, давление 110х60 и минимальное потоотделение, соответствующее неспешному движению в тени при температуре 21 градус Цельсия.

Двенадцать минут. Опять дюжина! Нет, у обитателей двенадцатого сектора точно какие-то сдвиги на почве нумерологии...

Если хотя бы один из этих параметров будет превышен, отсчет остановится – до того момента, пока показатели не придут в норму.

То есть дружить с Машинкой ты должен ровно двенадцать минут и ни секундой дольше. А приводить организм в порядок можешь в процессе тайм-аута, продолжительность которого не ограничена ничем... кроме запаса воздуха. Увы, дополнительные порции воздуха для тайм-аутов не подают, как замуровали, так и с концами.

Гроб практически герметичен. Если дышать правильно, воздуха хватит на двадцать минут.

А если неправильно?

После запуска программы Машина открывает замки гроба только в двух случаях: когда выработано «чистое время» норматива и... в случае полного обнуления параметров испытуемого.

То есть если наступила клиническая смерть.

Отсек реанимации в «Склепе» предусмотрен отнюдь не для украшения интерьера – он рабочий. Каждый «стилет» владеет специфическим набором медицинских знаний, так что, если кто-то из тройки «умирает», его реанимируют боевые братья. Если же вся тройка «загнется» разом (такого на памяти Руслана ни разу не было, но в теории это возможно), в амплу реанимационной команды выступят инструктора и преподаватели «Госдепа» и кур-

санты, у которых сейчас идут занятия на других «учебных местах». Они тут рядышком, подбегут за минуту.

Руслану, слава Марсу, до сих пор везло и он ни разу не «умер» на Испытании.

Но в реанимации участвовать доводилось.

Впечатления остались самые мрачные: «умерший» фактически сжевал свои губы, заходясь в последних приступах удушья, и сходил под себя всеми возможными способами. Когда после дефибриляции он таки «вернулся», Хронос, зажимая нос, глубокомысленно заметил:

– Однако волевой контроль маленько хромает...

Разгон идет туговато: сильно мешает алкоголь.

Самое страшное сейчас – это дезориентация. Потеря системы координат неизбежно влечет за собой панику, а паника – это смерть. Единственная индикация, доступная испытуемому, это три неярких красных лампочки на уровне глаз в крышке гроба... но нужно сделать все, чтобы ни одна из них не загоралась. При любой другой нагрузке, с «наноподагрой» на ноге, с нервно-паралитическим ядом в крови или даже после хорошей дозы ЛСД, можно вести счет и ощущать центр тяжести, или, проще говоря, чувствовать, где верх и низ.

Но когда ты сильно пьян и лежишь в полной темноте, намертво зафиксированный ремнями, тебя почти сразу же начинает «таскать и кружить» и ты попросту теряешься в пространстве. Потерявшись, ты мгновенно сбиваешься со счета: появляются проблемы поважнее, чем мысленно произносить цифры, надо как можно быстрее определиться с положением в пространстве и ты начинаешь считать через раз, в разном темпе и в результате надежно вылетаешь из пространственно-временного континуума. И вся эта свистопляска длится до тех пор, пока...

Перед глазами Руслана разом загораются три красные лампочки.

Вот они, мои родные, спасибо за принудительный возврат в систему координат. Это единственный положительный момент, а по сути три лампочки – беда: с первой секунды норматива все параметры выше нормы и машина объявляет тайм-аут. Займись своим организмом, «стилет», причем займись побыстрее, иначе тебя поволокут в реанимационный отсек с отжеванными губами. Пьяный организм, сволочь этакая, жрет воздух в три раза быстрее, чем трезвый, так что восемь минут «запаса», рассчитанного на правильное дыхание по формуле «четыре вдоха в минуту», тут же конвертируются в полторы-две – и это все твое личное время, за которое ты должен опустить параметры до нормы.

Будь проклят алкоголь.

Будь проклят тот, кто придумал включать его в нагрузку.

Тот, кто догадался газировать горячий бульон, будь проклят трижды, и пусть на праздники, типа Рождества, он получит бонусное проклятье от всех курсантов разом.

Что же такого страшного в алкоголе, принятом перед отправкой в двенадцатый сектор? Это будет проще понять, если сравнить организм с кораблем, но отнюдь не в угоду красочной метафоре, а для удобства восприятия текущего состояния испытуемого.

подавляющее большинство людей плавают на этом корабле пассажирами, так за все время круиза и не разобравшись, как эта штуковина вообще функционирует, и очень удивляются, когда их корабль садится на мель или с разгону налетает на невидимые в тумане скалы.

«Стилетов» с детства учат управлять своим кораблем-организмом, они привыкают одновременно выступать в качестве капитана и механика. В режиме волевого контроля «стилет» может выставить себе нужный пульс и давление с точностью до единицы, часами держать терморегуляцию в адской жаре и на лютом холоде, уменьшить приток крови к раненой конечности и в теории может даже заставить себя впасть в кому.

Испытание сродни серьезному шторму, во время которого вырубил всю автоматику и капитану-механику в одном лице приходится спускаться в машинное отделение и управ-

лять всеми механизмами корабля вручную: в полной темноте, на ощупь, по звуку, на уровне интуиции. Это очень сложно, но вполне осуществимо после колоссальной практики.

Однако все это сказано про трезвый организм.

При отравлении значительной дозой алкоголя сложность ручного управления возрастает в разы. Корабль-организм откладывает свои повседневные дела и яростно сражается с ядом: все его системы, образно говоря, «кладут» на волевого контроль и начинают работать вразнобой, в разы интенсивнее и с колоссальными затратами энергии.

То есть теперь трюм твоего корабля доверху залит водой (водой – это в лучшем случае, а если токсинами?), и ты, капитан-механик, прыгаешь туда с минимальным запасом воздуха, в крошечной темноте не понимаешь, где верх, а где низ, привычные звуки агрегатов, по которым ты ориентировался раньше, под водой расплываются, фальшивят и уже не могут служить ориентирами, а сами агрегаты работают на пределе мощности, обещая в любой момент сломаться, взорваться, слететь со станин...

Ко всему прочему, ты прекрасно знаешь, что люк задраен намертво, так что подвсплыть за новой порцией воздуха не получится, запас его стремительно убывает, и очень скоро ты начинаешь отчетливо понимать, что к твоему кораблю очень даже заметно подкрадывается хрестоматийный Северный Пушной Зверек...

И в этот страшный момент, если ты, в натуре, «стилет», а не просто набор хорошо тренированных мышц, тебя пробивает на Абсолютный Волевой Контроль.

Вот это и есть квинтэссенция Испытания.

То, ради чего все и затевалось.

Иначе говоря, на каком-то глубинном уровне твоего организма-корабля происходит принудительное аварийное отключение всех условий, мешающих выполнению задачи.

В последнем броске чудовищным волевым усилием ты рождаешь тысячу цепких и сильных рук, которые цепляются разом за все рычаги беснующихся механизмов, берешь свой корабль под уздцы мертвой хваткой и...

Все три лампочки разом гаснут.

Тебе уже не нужно барахтаться в попытке обрести систему координат, твой корабль уверенно режет шторм и четко следует установленным курсом, несмотря на то что трюм его залит водой и все агрегаты работают на последнем издыхании. Ты – капитан-механик, а не пассажир, и тебе плевать на условия и обстановку: это ты управляешь своим кораблем, а не он тобой...

Щелкают замки, открывается крышка.

Мальчишка-дежурный торопливо снимает ремни, с благоговением глядя на Руслана.

Руслан жадно дышит, еще не веря, что все позади. Боевые действия в тропиках, с тучами насекомых, ядовитыми тварями на каждом квадратном метре и рожденными в джунглях повстанцами под каждым кустом – райское наслаждение по сравнению с Испытанием.

В тропиках ты можешь дышать, двигаться и влиять на все, что происходит вокруг тебя. И когда в какой-то момент, в самых ужасных условиях, ты начинаешь ощущать «некоторый дискомфорт», достаточно вспомнить про Испытание, и все сразу становится на свои места.

«Три-семь-три» закончил значительно раньше Руслана. Он вообще почти все делает лучше, есть на кого равняться.

«Триста шестьдесят девятый» немного задержался, но в итоге обошлось без реанимации. Когда он сел в гробу, взгляд у него был безумный. Еще с минуту он боялся дышать полной грудью, не понимая, что все кончилось.

– Хватит отдыхать, пора делом заняться, – получить слова похвалы от Хроноса практически невозможно, для него все эти психоделические подвиги – не более чем ежедневная рутина. – Пока вы тут медитировали, обстановка изменилась: «командир убит».

Не успевшие отойти от Испытания курсанты не понимают, в чем тут юмор. Оказывается, никакого юмора.

– «370-й» – бегом в командный бункер. К тебе гости. А вы двое – на занятия. «373-й», теперь ты командир...

Глава 2

Алекс Дорохов

На балу в приличном доме

- Боюсь даже спрашивать... Это будет Президент?
- Нет.
- Премьер?!
- Хмм... Поручик, это что за эротическое придыхание? Вы равнодушны к Премьеру?
- Нет, но... Гхм... Доктор, вы же сами сказали: «...на нас хочет посмотреть один из Иерархов Верховной Власти...», разве нет?
- Верно, так и сказал. А почему возникла мысль, что это будет кто-то из Первых Лиц Государства?
- Черт... Доктор, вы меня совсем запутали. Какая разница между Иерархами Верховной Власти и Первыми Лицами Государства?
- А вам в самом деле это надо? Судя по вопросу, до сего момента вы прекрасно обходились без этого знания.
- Ну, коль скоро это лицо... пардон... этот иерарх, нами заинтересовался, хотелось бы знать, с кем предстоит иметь дело.
- Хорошо. Как говорит одно из Первых Лиц Государства: «буду краток». А для краткости, чтобы опустить двухчасовую лекцию по структурным нюансам иерархии управления, я дам вам небольшую метафорическую зарисовку. Не возражаете?
- Извольте, доктор. Ваши метафоры, как правило, очень доходчивы, так что надеюсь с ходу уловить суть.
- Хорошо. Представьте себе, что вы, в ряду множества зрителей, сидите в темном зале. На сцене фигура в черном балахоне и в белой маске. Подсветка минимальная, фон – черный бархат занавеса, свет на заднем плане отсутствует. Что видите?
- Вижу белую маску и... Пожалуй, тени на черном бархате. Да, я понял вашу мысль. Однако, если будут включены огни рампы, в любом случае тени неизбежны. Так что с первых рядов объем фигуры будет просматриваться.
- Хмм... насчет видения теней с первых рядов мысль интересная и перспективная. Но в настоящий момент это явление нас не интересует. Хорошо, пусть совсем без подсветки: полная темень, а маска покрыта флюоресцентной краской.
- Тогда вижу только маску.
- Отлично. Итак, вы видите только маску. Она двигается, улыбается, гримасничает, что-то рассказывает, одним словом, живет на сцене. Представьте для полноты картины, что это детский театр. То есть большинство зрителей – простодушные, я бы даже сказал, умственно отсталые дети... Поручик, надо ли продолжать?
- Ну... Я почти все понял. Взрослые в зале есть?
- Есть, но немного. Напомню: это театр для глупых детишек.
- Угу... То есть дети видят только маску и воспринимают ее как нечто самодостаточное.
- Совершенно верно. О том, что за маской скрывается человек, дети не думают.
- Да, я все понял... Но... А как все это коррелируется с нашим случаем?
- Пфф... Поручик, вы, возможно, и поняли «все», но... нечто иное, не имеющее касательства к сути метафоры.
- Тогда, может быть, стоит несколько упростить конструкцию?

– Да куда уж упрощать... Эмм... Хотя, возможно, эту конструкцию следует расчленить?

– О как! Док, вы меня пугаете. Никогда не замечал за вами живодерских наклонностей.

– Спокойнее, поручик. Человек – это организм плюс душа. Руки, ноги, туловище, голова...

– Ага! Теперь я точно все понял. То есть сегодня на нас хочет взглянуть Голова этого Организма?

– Ну, в общем... Вернее будет сказать так: Мозг этого Организма.

– О как... А мы, стало быть, Руки этого Организма?

– Пфф... Поручик, вы слишком много о себе воображаете.

– Да неужели? Мы, значит, для этого Организма вкалываем тут, как Папы Карлы...

– Спокойнее, поручик. Вы, видимо, забыли: мы с вами уже как-то обсуждали нештатное положение о ролях и функциях. Мы – всего лишь инструмент в Руках этого Организма. Одна из многих взаимозаменяемых деталей. Так вот, сегодня Мозг хочет вытащить этот инструмент в Свет и повнимательнее его рассмотреть...

* * *

Здравствуйте, дорогие мои. Пожалуй, начнем помаленьку.

Шестого января, в третьем часу пополудни, ваш покорный слуга в компании парочки таких же неполноценных членов общества прибыл в одно интересное заведение на Лубянке. Интересное оно тем, что располагается в мрачном подвале старинного особняка, где в свое время наверняка проводили расстрелы. Полутораметровой толщины стены, мертвая тишина (а за стеной между тем бурно живет многолюдная улица), режимная окраска, древние плафоны на чугунных подвесках, какие-то подозрительные выщерблины под потолком, непередаваемый словами аромат праха Эпохи...

В общем, очень готично.

Да, если вы со мной уже знакомы, не подумайте, пожалуйста, что это идефикс: но всякий раз, как по работе приходится бывать в таких пенатах, непременно возникают соответствующие ассоциации. Понимаете, дух Системы – его ничем не выветрить, он прочно въелся в эти толстенные стены, он бьет по астральному контуру впечатлительных и слышащих вечный вопль тысяч замученных жертв и, независимо от характера ныне действующего учреждения, продолжает доминировать над всеми, кто в этом учреждении трудится или просто приходит по делам.

О как, да? Нет, это не шизофрения, я консультировался с нашим доктором. Это просто обостренная чувствительность, следствие непростого взросления, вкуче с некоторыми особенностями художественной натуры.

Ну да ладно, что бы там ни было раньше, сейчас в этом подвале уютно обосновалось этакое «закрытое» ателье по пошиву деловых костюмов на все случаи жизни. Спартака, Юру и вашего покорного слугу привез сюда доктор Семен, а наша неполноценность выражается в том, что ни у кого из нас нет шитых костюмов. У меня и Спартака покупные, причем не самого лучшего качества, а у Юры так и вовсе нет. Наш мелкий негодяй живет совсем без костюма, и до сего момента он ему ни разу не пригодился.

– Ну... Там... Когда какие-то торжественные мероприятия – парадную форму надевал. А так и не надо было...

Так вот, у доктора и Ольшанского костюмы есть, причем хорошо пошитые и не в одном экземпляре. Это нормально, им по статусу и образу жизни положено.

И у Степы есть.

А вот это довольно странно. Степа постоянно гуляет в тельнике и застиранном «комке» или в спортивной одежке. Откуда у такого вечно военного типа хорошо сшитый костюм? Для меня это загадка и теперь я буду терзаться, пока ее не разгадаю.

Обмерял нас невысокий полненький дедок с седыми кудрями и едва ли не эталонной плешью. Ловко орудуя «сантиметром», он небрежно цедил цифры через плечо, одним глазком смотрел телевизор и неспешно разговаривал с доктором. За спиной у мастера сновал квинтет помощников: один усердно записывал цифирь, двое готовили кальку для выкроек, еще двое раскладывали на столах тюки с материалом.

Доктор слегка нервничал (дергал ногой и часто поправлял свои изящные очки) и было отчего: мастер, судя по всему, никуда не торопился, а у нас был приказ до восемнадцати ноль-ноль одеться-обуться и быть в готовности к выдвижению.

– Сема, зря вы переживаете. К половине шестого ваши плохие костюмы будут готовы, это я вам обещаю.

Как видите, мастер был с доктором на короткой ноге и знал его повадки.

– Почему «плохие»? – бесхитростно уточнил обмеряемый Спартак. – Вы не умеете шить хорошие костюмы?

Спартак по праздничному варианту был изрядно поддат и весел. На мой взгляд, не стоило везти человека в такой дом в таком состоянии, но доктор сказал, что это нормально. Иерарх хочет посмотреть на наше естественное поведение в разных ситуациях. Так что, вполне возможно, что в итоге нам всем предложат как следует укушаться и конски скакать в канкане по дубовому паркету или даже участвовать в какой-нибудь дико разнузданной оргии.

Хмм... Думаю, если до этого дойдет, будет весьма забавно...

– Мы шьем всякие, – не стал обижаться мастер. – Но за три часа хороший костюм сделать нельзя. То есть выглядеть он будет вполне нормально, но... это будет плохой костюм. Спинку ровнее, не сутультесь...

После примерки доктор прокатил нас по ряду «своих» бутиков и подобрал каждому обувь и аксессуары: часы, галстуки, зажимы, запонки, платки и даже носки. Эти бутики почему-то тоже располагались в мрачных подвалах, мало чем отличающихся от «закрытого» ателье и в каждом из них наш док был своим человеком.

Увы, увы, чудесного приобщения к «каналам прямых поставок» не произошло: в этих бутиках, как и везде, торговали подделками под мировые бренды, но... очень качественными подделками, которые стоили немалых денег.

– Вот этот «Картье» делали в Париже, – доктор снял свои часы и сравнил с тремя десятками аналогичных на лотке. – А вот эти в Пятом Распидзьевском Переулке. А разницы – никакой. Для того чтобы определить, «кто есть кто», надо быть мастером-часовщиком.

– Может, это потому, что твой «Картье» тоже делали в этом самом переулке? – легкомысленно хмыкнул Спартак.

– Нет, это потому, что не оскудела земля русская Левшами, – парировал доктор. – Руки золотые, в буквальном смысле. Что удивляет: с такими руками давно бы могли сделать свой фирменный бренд, так нет же, предпочитают гнать именитый «ликвид»! Им, видишь ли, выгоднее так...

Вот так с шутками-прибаутками мы основательно прибарахлились за счет ведомства и вернулись в «закрытое ателье», где надо было сделать еще ряд примерок в процессе подгонки.

Мастер не обманул: к половине шестого вечера наши «плохие» костюмы были готовы.

Дабы сэкономить время на описании качеств костюма, скажу просто: ничего лучше я в жизни не носил. Более того, у меня сразу же возникло такое странное ощущение, что я как будто бы родился в этом костюме, настолько гармонично и правильно он был адаптирован под мою фигуру.

Невольно возникал вопрос: если это «плохой костюм, который выглядит нормально», то каков же должен быть реально хороший?!

И еще один вопрос, вытекающий из всего вышесказанного...

Человек, который хочет на нас посмотреть... Он ведь наверняка во всем этом прекрасно разбирается!

А мы придем к нему насквозь фальшивые и ненатуральные: в наскоро сшитых костюмах, поддельных часах, запонках, галстуках и так далее...

– Да он просто не обращает внимание на такие мелочи, – усмехнулся доктор, когда я поделился своими опасениями. – Понимаете, поручик... Это уже тот уровень, когда все условности остаются за бортом и не имеют совершенно никакого значения. Ну, например, я не удивлюсь, если он будет в затрапезной водолазке и потертых джинсах.

– Зачем, в таком случае, все эти телодвижения? – обескураженно уточнил я. – Людей побеспокоили, деньги потратили, время убили... Могли бы просто одеться у кого что есть, было бы как раз естественно и натурально.

– За людей не волнуйтесь, это их работа. Деньги ведомственные, так что это не наша проблема. Понимаете, поручик... Мы едем в такой дом, где даже самый последний секьюрити на черном ходе шеголяет в прекрасно пошитом костюме. Состоится ли аудиенция вообще – неизвестно, но мы проведем в этом доме целый вечер, будем общаться, контактировать, отдыхать, веселиться и даже «отжигать» на уровне со всеми остальными гостями. Считайте это мимикрией, или, что для вас привычнее – маскировкой. Мы не должны выглядеть серыми пугалами на этом ярком празднике жизни. Так что, поручик, уверяю вас, время мы убили не зря...

* * *

Пожалуй, не совру, если скажу, что это был не дом, а дворец.

Думаю, не всем доводилось бывать в гостях у представителей «касты неприкасаемых», так что немного расскажу, как там у них все устроено.

Первое впечатление: это вовсе не частная усадьба, а какое-то общественное (государственное) учреждение, наподобие музея или театра. Монументальные мраморные колонны на парадном входе, циклопические крепостные двери с гидроприводом, просторный – мраморный же – вестибюль, с ковровыми дорожками, натурально театральным гардеробом и вышколенным персоналом в отлично пошитых костюмах, с одинаковыми золотыми значками с вензелем «G» в петлице («фамильный литер», – шепнул доктор).

Пулеметных турелей, волкодавов в шипастых ошейниках, лазерных решеток и даже простых рамок металлообнаружителей – ничего такого я не заметил, но местная охрана четко контролировала ситуацию и каким-то непостижимым образом определяла, у кого из гостей при себе имеются лишние штуковины, не вписывающиеся в гостевой формат.

– Будьте добры, сдайте оружие, – попросил встречавший нас улыбчивый крепыш. (Метрдотель, мажордом, дворецкий? Надо будет потом спросить доктора насчет местной послушной иерархии, вот так с ходу и не отгадаешь.)

После серии недоуменных возгласов и сопутствующей пантомимы выяснилось, что мелкий негодяй Юра так попытался пронести на лодыжке ножик. Слава богу, не тот страшовидный кривой ятаган, который у него именуется «рабочим ножом», а всего лишь «вспомогательный клинок», выглядевший значительно презентабельнее, но... не ставший от этого менее смертоносным. Иными словами, это было оружие, и получилась непродолжительная, но неловкая сцена.

Юра, сволочь этакая, вместо того, чтобы резво отдать нож, настырно забормотал что-то из серии «да это так, колбаски порезать, это и не оружие вовсе, и даже сертификат есть...» и замешкался, откуда-то мгновенно возникли несколько крепышей без значков в петлице, тоже пока улыбчивых, но с внимательными взглядами, и этак ненавязчиво сконцентрировались на нас.

Тут в вестибюль очень вовремя спустился Домовитый под ручку с пышным голубоглазым блондином в снежно-белом костюме и ситуация быстро разрядилась.

– Так вот они какие, наши неумолимые истребители, гроза всего подземного мира! Я-то думал, это гренадеры, великаны, Карелины и Валуевы – а они на вид вполне нормальные ребята...

Блондин был служебно-радостным и чрезмерно словоохотливым, но в глазах его плескались беспокойство и великая озабоченность. Нет, не поводу инцидента, это было мимолетным и незначительным моментом, а вообще, по всей ситуации. Беспокойство было направлено куда-то вверх, значительно выше наших голов. То есть никаких аллегорий: блондин смотрел как будто сквозь нас и в то же время машинально, вроде бы невзначай, поглядывал в верхние углы холла.

Интересно...

Бегло пожав нам руки, блондин представился кому надо (с доктором и Ольшанским он был знаком):

– Веня, хозяин всего этого бардака... Привет, мистер Холмс! Веня... Превед, док! Ты очень кстати, через пару часов я буду твоим пациентом! Веня...

Вене было хорошо за полтинник. Судя по всему, он являлся солидной и значимой персоной, но при этом держался подчеркнуто демократично и свойски. Домовитый окрысился было на Юру за ножик, но Веня мгновенно «отмазал» нашего мелкого беса:

– Ну так это же привычка, верно? Привычка – вторая натура. Человек все время на войне, это въелось в него, нож для него, как для нас мобильник, или даже как рука и нога, как полноценная часть тела! Да он просто без него не может... не умеет...

Я понял, что эта сентенция в первую очередь адресована крепышам без значков и сделал вывод, что они не принадлежат к местному персоналу. Ну и, не буду интриговать, сразу догадался: человек, который хочет на нас посмотреть, уже здесь, а эти хлопцы обеспечивают его безопасность.

Потрясенный обаянием хозяина, Юра безропотно сдал нож, и мы в компании Вени и Домовитого вознеслись по широченной мраморной лестнице в огромный зал для приемов.

Здесь мы получили от хозяина инструкцию:

– На сегодняшний вечер эта бардачная халупа будет вашим домом. Отдыхайте, развлекайтесь, делайте все, что в голову взбредет. Напейтесь вдрызг, оттрахайте все, на что встанет, ну а если душа просит, разнесите вдребезги посуду, или набейте морду любому кто не понравится.

– А если вдруг набьем тому, кому нельзя? – весело уточнил одухотворенный открывавшимися перспективами Спартак.

– К «кому нельзя» вас просто так не подпустят, – свойски подмигнул Веня. – Так что гуляйте смело. Семен, организуй людям экскурсию, покажи, где тут кухонька, сортир и прочие коммунальные радости...

После такого замечательного напутствия Веня с Домовитым забрали Ольшанского и срочно убыли на какую-то «консультацию», оставив нас на попечение доктора. Доктор, как я понял, бывал в этом доме неоднократно и слыл тут за своего.

Очевидно, в раннем возрасте Веня страдал от острой нехватки кальция. И как только появилась такая возможность, он тотчас же реализовал вот эту детскую недостаточность, причем с колоссальным завышением. Парадное крыльцо, вестибюль, зал для приемов (язык не поворачивается назвать это циклопическое помещение уютным словом «гостиная»), все было сплошь отделано различными породами мрамора.

Это был в буквальном смысле мраморный рай. Под его довлеющим величием и помпезностью я чувствовал себя не просто ничтожным человечком, а натурально тараканом, внезапно выползшим из канализации в самый разгар великосветского приема где-нибудь в Константиновском дворце. Цифры и факты со страшной скоростью замелькали в моей

голове и там чуть было не приключился коллапс: я был не в состоянии представить себе, как долго и в каких объемах нужно воровать, чтобы отстроить вот такую «бардачную халупу».

Зал был круглым, с высоченным потолком в виде полусферы (почти как в планетарии), сплошь изукрашенным античными фресками.

На стенах висело множество картин известных мастеров Возрождения. Не стану утверждать, что это были подлинники, однако для такого дома это было бы вполне естественно и гармонично.

Тяжелые хрустальные люстры, антикварная мебель, словно бы позаимствованная из музея, старинный паркет, наверняка выломанный из какой-нибудь княжеской усадьбы, и подавляющая мраморная доминанта: одним словом, все здесь было очень качественное и дорогое, так что не нужно было объяснять, что хозяин – очень влиятельный и невероятно богатый человек.

В дальнем конце... Впрочем, это я от избытка чувств, какой конец может быть в круглом зале?! Итак, в стороне, диаметрально противоположной центральному входу, возвышалась сцена, на которой играл оркестр.

Играли «Вальс-фантазию», очень качественно, профессионально, но... без огонька, без души, как на рядовой репетиции, при пустом зрительном зале.

Увы, у оркестра в самом деле не было ни одного слушателя. То есть люди в зале были, проходящие – уходящие, транзитные, одним словом, никто не задерживался и не обращал лик к сцене, словно бы там и не играли живые музыканты, а работала обычная стереосистема.

Да, дорогие мои, в это трудно поверить, но огромный роскошный зал, одна лишь отделка которого перекрывала стоимость нескольких десятков обычных квартир, выполнял функцию проходного двора или перекрестка. Собственно дверь здесь была всего одна, через которую мы вошли, и не дверь даже, а массивные двустворчатые ворота. Между тем входов-выходов тут было как минимум с дюжину: в стенах зала, через равные промежутки, располагались арочные проемы, драпированные тяжелыми бархатными портьерами. Через эти проемы сновали люди, сугубо по делу, озабоченно и поспешно – в зале не было ни одного праздного слушателя или любителя поглазеть на картины.

Ввиду отсутствия публики, или еще по какой-то причине, вид у музицирующих был отнюдь не радостный. Не раз наблюдал, как в переходе под Манежкой играют музыканты, которым в шляпу прохожие бросают мелочевку. Так вот, те исполнители выглядели гораздо более одухотворенными и живыми, в их нотах чувствовался энтузиазм и здоровый кураж.

У местных же музыкантов лица были понурые, движения вроде бы четко выверенные и едва ли не идеальные и в то же время совершенно механические и какие-то... мертвые, что ли...

Меня вдруг пронзила острая жалость к этим мастерам в красивых фраках, которые играли в пустоту, словно похоронный оркестр на пустом кладбище, в отсутствие покойника и траурного кортежа, потерявшегося где-то в непроглядной круговерти снежной бури...

– А когда за стол будут садиться? – прервал мои высокие экзистенции наш мелкий проглот.

– Ты имеешь в виду «все вместе за общий стол»? – уточнил доктор. – Хмм... Это какой же стол надо, чтобы такую толпу усадить... Нет, здесь так не принято.

– Ну и порядки, – огорчился Юра. – А где тут вообще можно пожрать?

В этот момент мимо нас как раз дефилировали две прелестные девицы в старинных русских костюмах, мне стало неловко за кондовую прямолинейность коллеги и я торопливо-громогласно спросил, нет ли в этом доме библиотеки.

– О да, библиотека здесь просто потрясающая, – оживился доктор. – Причем есть такие раритеты, которые могли бы занять достойное место в музее. И что самое удивительное: любую книгу можно попросить почитать, не откажут!

– Да вы что?! Ну так...

– Э, читатели, вы чего с темы прыгаете?! – возмутился Юра. – Где тут можно пожать?

– Следуй по запаху, не ошибешься, – доктор указал на один из арочных проемов, из которого тотчас же, словно бы в подтверждение его слов, выскочили двое молодцев в белоснежных передниках, с большими подносами, уставленными закусками, и трусцой припустили через зал к другому проему.

– Стало быть, там у нас «кухонька»? – оживился Спартак. – А крепкие напитки там есть?

– Полно, – обнадежил доктор. – Так что особо не увлекайся: тут такой ассортимент, что на одной лишь дегустации можно набраться до полного анабиоза.

– Не волнуйтесь, я не подведу, – пообещал Спартак и возбужденно ткнул Юру локтем в бок. – Ну что, коллега, курс «зюйд-зюйд-вест»?

– Курс «жрать-жрать-жрать», – подтвердил Юра. – Вы с нами или как?

– Мы через некоторое время к вам присоединимся, – доктор кивнул на одну из арок. – Ну что, пройдемте в библиотеку?

– Всенепременно!

* * *

Итак, Юра со Спартаком убыли курсом «зюйд-жрать-пить», мы с доктором отправились в библиотеку. Степа неожиданно увязался с нами. Наш рыжий терминатор, помимо всего прочего, записной книжкой и, по-видимому, сейчас не очень голоден. Спартак, кстати, тоже любит почитать, но «кухонька», как видите, в данном случае одержала убедительную победу.

Этот дом был похож на маленький запутанный город, в котором отсутствовали таблички и путеводители, так что без гида здесь запросто можно было потеряться. Выдвигаясь к библиотеке, мы миновали множество великолепно обставленных комнат, в которых находились группы людей: доктор походя объяснял назначение каждого помещения и негромко комментировал присутствие в них наиболее значимых лиц. Не особо значимых, но вполне известных, тоже хватало: примерно половину из тех, кто тут был, нам чуть ли не ежедневно показывают по телевизору. Единая гостевая стихия как таковая отсутствовала, каждая группа развлекалась по своему произволу: пели песни под рояль, играли в карты, курили сигары, катали большие и малые шары (тут в числе прочих забав были боулинг и бильярд), пили, ели, заговорщицки шептались по углам, смотрели какие-то домашние видеоролики и так далее. Во многих местах доктора узнавали и реагировали с закономерно-нездоровым юмором: «так-так, ну и у кого там приступ шизофрении?!»

На нас со Степой в основном никто не обращал внимания, словно мы были невидимками, только в одном месте раздраженно заорали, что у них интим и потребовали убираться вон. Видимых проявлений интима мы не обнаружили, но хамить не стали и убралась.

В шикарно оборудованном спортзале Степа немного задержался. Ему очень понравились манекены для Вин Чун, и он спросил: если хозяин такой добрый, что дает всем подряд почитать книги из своей библиотеки... а манекен напрокат он не даст? Ненадолго, лет этак на пять – семь...

Шутка показалась мне забавной, и я живенько в ней поучаствовал: один экземпляр в нашем бункере будет смотреться сиротливо, так что надо просить весь деревянный уголок с манекенами, ибо в нем все устроено по фэнь-шую, гармонично и правильно, можно сказать, в ансамбле.

Доктор совершенно серьезно ответил, что весь уголок – это, наверное, перебор, а вот насчет одного манекена можно спросить. Хозяин человек не жадный, может подарить.

– Ух ты... В таком случае, может, он мне пару раритетов из библиотеки подарит? – оживился я.

– Может, и подарит, – рассеянно кивнул доктор. – Эти книги все равно никто не читает, они здесь не более чем антураж...

Библиотека в самом деле оказалась весьма впечатляющей, но похозяйничать в ней нам так и не удалось.

Дело в том, что библиотека здесь, как это ни странно звучит – всего лишь огромная приемная при кабинете хозяина. То есть другого входа нет, чтобы попасть в кабинет, нужно пройти через библиотеку.

На симметричных диванчиках по обеим сторонам от двери кабинета сидели крепенькие книголюбы в хорошо шитых костюмах (без значка в петлице) и со служебным выражением следили за каждым нашим движением. Чуть поодаль, у окна, Домовитый с каким-то густо-кудрявым типом вполголоса вели беседу. Вид у обоих был озабоченный и совсем неспрадный. Наш шеф нервно теребил платок, а кудряш регулярно поглядывал на дверь кабинета, словно бы ожидая приглашения войти.

– Быстрые вы мои, – недовольно пробурчал Домовитый, увидев нас. – Я позову, когда надо будет...

И тут же сделал замысловатое движение глазами: сначала показал на дверь кабинета, затем плавно перевел взгляд на выход.

Я шефа знаю достаточно хорошо, так что, опуская все тонкости и нюансы, сразу перевожу на рабоче-крестьянский: «зря приперлись, не до вас, убирайтесь вон».

Мы дисциплинированно развернулись и покинули библиотеку.

Не повезло, однако.

– Мой просчет, – признался доктор. – Мог бы сообразить, что кабинет занят...

* * *

Дабы разнообразить впечатления, в зал с печальным оркестром мы возвращались по другому маршруту: через БПК и оранжерею.

БПК (банно-прачечный комбинат) доктор обозвал тутошнюю сауну с бассейном, а оранжерею, учитывая размеры и обилие стекла, с полным правом можно было назвать зимним садом.

В бассейне плескалась парочка толстяков с квартетом задорно визжащих девиц. Жизнерадостные толстяки оказались очень дружелюбными и с ходу принялись зазывать нас, чтобы присоединились к ним (а ведь мы даже не были представлены друг другу). Доктор, однако, негромко выдал рекомендации:

– Не советую. Я их знаю...

...после чего мы вежливо отказались и пошли дальше.

– Эй, вьюноши, кого вы слушаете?! – весело крикнул нам вслед один из толстяков. – Ваш доктор – му...ак и зануда, бросайте его, идите к нам!

После такого чудесного напутствия у меня сложилось впечатление, что нашего доктора тут знает каждая собака, а толстякам, помимо всего прочего, кое-что известно и о нас. Иначе было бы сказано просто «доктор», а не «ваш доктор».

Испорченный штампами богемной хроники, я полагал, что в оранжерее мы застанем парочку целующихся гомосексов или, на худой конец, банду местных тинейджеров, втихаря потребляющих «кокс».

На самом же деле там оказались полтора десятка молодых мамаш, которые с умилением наблюдали за своими резвящимися детишками. Молодых не в том плане, что с колясками и набухшими сосцами, звенящими от пружей на волю живительной влаги, а просто

все они были примерно моего возраста, чуть старше, чуть младше, одним словом, где-то в районе до двадцати пяти.

Все мамы, как на подбор, были ухоженными, но некрасивыми, и ни разу не сексуальными. Девушки в народных костюмах, на которых мы напоролась в зале, по сравнению с ними были просто королевами красоты.

Мамаши сидели в удобных креслах, потягивая коктейли, негромко переговариваясь, и смотрели сквозь стеклянную стену оранжереи во двор.

Во дворе, или, вернее сказать, в парке, была оборудована живописная опушка берендеевского леса, грамотно отредактированная в рождественском формате: старинные «газовые» фонари, исполинская елка с игрушками, разноцветные гирлянды, вспыхивавшие в полумраке парка мистическими огоньками, вылепленные из снега домики, традиционные снеговики и четырехскатная ледяная горка.

Детишек было десятка два, их развлекали примерно столько же аниматоров в сказочных костюмах и масках, так что в парке имела место очень даже неслабая массовка – шумная, задорная, визгливо-крикливая и во всех отношениях радостная и живая.

От этой массовки за версту несло неподдельным весельем и чистым, ничем не замутненным детским счастьем. Некрасивым мамашам, судя по всему, это нравилось, и они были очень довольны.

Наблюдая за этой рождественской идиллией на фоне медленно падающих снежинок, я машинально отметил, что в стройных рядах аниматорского сословия прослеживается некоторый волонтаризм. Наряду с традиционными сказочными зверушками – черепашками-ниндзя и леприконами, которые гоняли на снегоходах и палили друг в друга из лазерных пистолетов, помидорами-убийцами, трансформерами, человеками-пауками и прочей живностью – по парку металась парочка привидений, больше похожих на Смерть (только без косы), и некое совершенно безответственное существо в черном балахоне и натуральной чумной маске *Medico della Peste*.

Сразу хочу оговориться: я не силен в латыни, просто как-то довелось делать чертеж такой маски по просьбе приятеля, который мастерит оригинальные аксессуары для эксцентричных типов, вот и запомнил.

Я отнюдь не сноб и сам люблю под настроение покуролесить, но, на мой взгляд, товарищ в этой страшенькой масочке вел себя крайне разнузданно и беспардонно.

Он гонялся за бедными зверушками (читай, аниматорами и аниматоршами) и, настигнув кого-то из них, валил в сугроб и избивал устрашающего вида дубинкой до полного «умерщвления».

Дубина, разумеется, была игрушечная, мягкая и гибкая, а аниматоры просто на какое-то время переставали двигаться, имитируя смерть, но... само действие показалось мне не совсем корректным для такой аудитории, а где-то даже и зловещим.

Мелкая публика, однако, придерживалась иного мнения: действия злого клювастого чудища неизменно вызвали бурю восторга и всеобщее детское одобрение. Мамаши тоже вполне благосклонно относились к происходящему, ни одна не возмущалась и не выражала опасений, что это может быть непедагогично.

Мне хотелось узнать, что доктор думает по поводу местных нравов, но он был занят.

Наш мозгоправ общался сразу с двумя мамашами, которые на что-то жаловались, негромко, но деловито и настойчиво, словно были готовы к этому и весь день ждали, что доктор зайвится сюда и выслушает их.

Пока они общались, еще две мамы прекратили любоваться на похождения своих чад, встали и подошли поближе, заняв таким образом очередь на подступах к нашему доку, на диво востребованному в этом доме.

Доктор, однако, оказался вполне адаптированным к такого рода посягательствам: отговорив с первой парочкой, он решительно и безапелляционно отразил напор второй:

– Простите, голубушки, у меня сегодня не приемный день. Я здесь на отдыхе, работать не собираюсь. Смотрите свои графики, звоните, все решим в рабочем порядке...

...после чего подал нам тайный знак (я его истолковал примерно как «валим отсюда!!!»), и мы спешно покинули оранжерею-засаду.

* * *

По выходу из оранжереи доктор решительно заявил, что экскурсия закончена, и мы направились в «кухоньку», дабы восстановить силы, потраченные на бесцельную прогулку по огромному дому.

«Кухонька», как вы наверняка уже догадались по аналогии с прочими «коммунальными радостями», это такой местный сленг. На самом деле это была здоровенная столовая с весело полыхающим камином и тремя широкими арочными выходами: собственно на кухню, в винный погреб и в отдельный обеденный зал, раза в два меньший чем столовая, с двумя эркерами в парк (тот же вид, что из оранжереи, только в зеркальном порядке).

В «кухоньке» было празднично, оживленно и вкусно.

Из собственно кухни накатывали волны сложных кулинарных ароматов, а на гребне этих волн, словно серфингисты в полосе прилива, неслись задорные голоса, преисполненные профессиональным азартом. Поваров видно не было, но я сразу понял, что несколько мастеров наперегонки готовят разные блюда: в их куражливых возгласах отчетливо звучал соревновательный рефрен.

В зале поменьше заседала довольно большая и шумная компания. Игнорируя рождественского Элвиса, ненавязчиво льющегося из колонок стереосистемы, некоторая часть компании хором пела под гитару «...милая моя, солнышко лесное...», а другая часть вела громкую беседу, временами прерываемую взрывами идиотского хохота – еще одна часть, судя по всему, была уже изрядно навеселе и все происходящее казалось ей (части) весьма забавным.

В основном зале было три небольших компании, которые вели себя сравнительно тихо. Две пары среднего возраста неспешно поглощали поросенка с кашей и с большим интересом слушали сразу на три фронта: беседу из малого зала, Юрины байки и животрепещущий рассказ экстравагантной дамы в дальнем углу.

Целевая аудитория дамы была представлена двумя молодыми людьми, одной очень юной барышней и чрезвычайно умной на вид таксой. Все они активно лопали пирожные (кроме таксы – прямо на полу рядом с ней валялся кусок торта, но она его словно бы и не видела и живо приняховалась к доносящимся из кухни ароматам) и внимательно слушали, что говорит дама. Дама-рассказчица ничего не ела, но регулярно прихлебывала из огромного бокала, залихватски пыхала сигареткой в красивом костяном мундштуке, и было заметно, что она уже хорошо подшофе.

Юра снобистски витийствовал в окружении квартета прелестных девиц, ряженных в традиционные славянские одежды. Мелкий негодяй проигнорировал наше появление и даже не снизошел до того, чтобы представить нас своим спутницам. С ленивой небрежностью смертельно уставшего от тайных операций суперагента он вещал о каких-то мифических приключениях (судя по дикому и неправдоподобному сюжету, все это было выдуманно здесь и сейчас, дабы произвести впечатление на девиц) и одновременно оценивал ситуацию по трем позициям.

Перечисляю позиции: Юра с мудрым прищуром смотрел на титанический кусище великолепного торта «тирамису», ласково поглядывал на девиц и в то же время инспектирующим жестом оглаживал свой непомерно раздувшийся живот.

То есть, пока мы гуляли, наш прожорливый дегенерат слопал кучу всяких вкусностей и теперь пытался определиться, хватит ли сил еще и на десерт? Да, «тирамису» был просто

сказочный, но девицы тоже не подкачали, так что, как видите, дилемма была весьма непростая.

– А где Спартак? – не обращая внимания на девиц, спросил доктор.

Меня это удивило: доктор у нас утонченный эстет и галантный кавалер, к дамам всегда относится с большим пиететом и никогда не вклинится в беседу, не будучи представленным.

– Там, – Юра небрежно ткнул пальцем в сторону винного погреба.

– Один?

– С каким-то дедом.

– В пижаме?

– Точно.

– Ага! – доктор обрадованно потер ладони и сообщил нам: – Господа, нам выпала редкая возможность присутствовать на занимательнейшей лекции большого знатока вин... с попутной дегустацией оных!

После этого он живенько набросал на тарелку с фамильным вензелем разнообразных сыров из «сырного уголка» и убыл в погреб. Степа тоже исполнил себе тарелку с сырным ассорти и последовал за доктором.

Я хотел было последовать их примеру, но, осмотревшись, приняв себя и прислушавшись к себе, понял, что одними сырами и вином тут не обойдется.

Не стану изливаться восторженными воплями и тратить два десятка страниц на описание ассортимента, выставленного на «кухоньке», у нас ведь не кулинарная книга. Скажу только, что если собрать до кучи все отделы деликатесов лучших столичных рынков, по сравнению с «кухонькой» они выглядели бы примерно как какой-нибудь затрапезный мозамбикский сельпо.

Это было просто царство вкусной еды, воплощенный триумф деликатесов, который наверняка сразил бы наповал самого изощренного гурмана.

Многое из того, что было вокруг меня, я видел в первый раз, поэтому взял огромную тарелку, набрал всего помаленьку, ориентируясь исключительно по виду и запаху, и сел трапезничать несколько поодаль от Юриной компании.

Видите ли, я, конечно, не такой эстет, как наш доктор, но в целом мальчуган воспитанный и без крайней необходимости никогда не вклиниваюсь в незнакомую компанию. Тем более если в этой компании заправляет мой коллега, который (скот этакий!) меня намеренно игнорирует.

Хмм... интересно, как это самовлюбленное жадное чудовище собирается справиться сразу с четырьмя дамами, да еще после столь плотного, я бы даже сказал, циклопического, обеда?!

Также интересно, как это нашему прожорливому Микки-Маусу удалось приковать к себе внимание таких симпатичных девиц. Что же он им такого наврал, что они его все разом полюбили?

Вскоре, однако, выяснилось, что дамы оказались более воспитанными и благоразумными, чем мой несносный коллега. Тактично выждав, когда я утолил первый голод, две из них подошли ко мне и завели разговор.

Что ж, вполне закономерный ход, я был уверен, что в конечном итоге все так и будет. Я во всех отношениях лучше Юры: умнее, красивее, выше на целую голову (и это не метафора), кроме того, я дьявольски скромный и тактичен. То есть сообразительные девушки быстро поняли, что к чему, и сделали правильный выбор.

Девиц звали Ира и Лена, вблизи они оказались еще лучше, чем издали, и приятно удивили нетипичными для аристократок простотой, благонравием и хорошим воспитанием. От пива отказались, из напитков употребляли только сок, самолюбованием не страдали: о себе не рассказывали вообще, зато всюю интересовались моей скромной персоной.

Мы очень быстро наладили контакт, и я уже было подумал, что вечер обещает быть томным. Единственно, что смущало: трудно было определиться в выборе.

Кого предпочесть? Девчата были дивно хороши и одинаково мне нравились, выбрать кого-либо из них было затруднительно. Я, в общем-то, натура художественно раскованная и отнюдь не ханжа, но придерживаюсь традиционных устоев: по групповым целям ранее работать не доводилось, квалификация отсутствует, так что... Гхм-кхм...

А сами девушки никаких знаков предпочтения не подавали, обе равномерно излучали приязнь в мою сторону и всяческую готовность к развитию отношений.

Так и не определившись с выбором, я начал было потихоньку подумывать, а не сбегать ли в погреб, да спросить совета у доктора (если вас это рассмешило, значит, вы не бывали в такой «вилочной» ситуации: дилемма, скажу я вам, еще та!), но тут произошло событие, которое разрушило нашу идиллию и избавило меня от необходимости решать дилемму.

* * *

Итак, сидим мы себе, наслаждаемся общением и культурно развиваем отношения в нужную сторону, как вдруг в «кухоньку» врывается бритый наголо камрад в черном балахоне и с чумной маской под мышкой – тот самый, что давеча занимался прикладным волонтеризмом в парке (читай, глумился над аниматорами на потеху детишкам).

Наблюдая за ним из окна оранжереи, я почему-то решил, что это маленький толстенький уродливый злоюка слегка за сорок, возможно, бригадир аниматоров, раздраженный тем, что ему приходится работать в праздник.

Оказалось, что я ошибался во всех отношениях: носитель чумной маски был моложе меня, стройный, среднего роста, с лицом привлекательным и, пожалуй, даже женственным. В его шалом взгляде искрились добродушие, любовь к жизни и желание покуролесить.

Быстренько обежав «кухоньку», носитель по-хозяйски заглянул во все углы, перекинулся парой фраз с компанией в малом зале, сбегал в погреб, вернулся с бутылкой игристого вина, похлопал по плечам парубков, слушающих поддающую мадам, ущипнул за щечку юную барышню, ухватил за ухо таксу – такса сурово зарычала и самую малость не цапнула наглеца, не понравилась ей такая фамильярность, мимоходом оглядел Юру, не проявил к нему никакого интереса и в итоге приземлился рядом со мной и моими спутницами.

Мои девицы, как ни странно, сели прямо, сделали официальные лица и словно бы замерли в предвкушении чего-то малоприятного. Меня это несколько удивило. Прочая публика, насколько я могу судить, на носителя вообще не обратила внимания, что было вполне нормальным: в этом доме половина присутствующих гуляет в маскарадных костюмах и ведет себя как минимум эксцентрично.

– Веня-мл., – носитель бросил маску на стол и принялся откупоривать бутылку. – С кем имею?

– Алекс, – представился я, истолковав «Веня-мл.» как «Веня-младший» и сразу поняв, что это хозяйский сын. – Можно Саша.

– Оч. пр.! – Веня хулигански стрельнул пробкой в потолок, довольно хмыкнул и принялся жадно поглощать розовую пенную жидкость прямо из горлышка, варварски отрыгивая и причмокивая. – Эргхх... Мням-с... Будешь?

– Нет, спасибо, я тут пивко помаленьку...

– Ну смотри, смотри, это лично дедовский розлив, не все и пробовали... Так, для персоны ты еще молод, значит, «сынок». И кто у нас папа?

Думаю, не скажу ничего нового: во многих ведомствах и структурах Директора за глаза зовут «папой». Мы в этом плане не являемся исключением, поэтому я не задумываясь брякнул:

– Домовитый.

Это признание неожиданно произвело на Веню-мл. ошеломляющее впечатление. Он поперхнулся розовой пеной, закашлялся, выпучил глаза и выдохнул:

– Да иди ты... Неужто правда?!

– Ну... в общем...

– Понял! – Веня-мл. заговорщицки подмигнул мне и вдруг цыкнул на моих спутниц:
– Так, а ну-ка, брысь отсюда...

Я обмер, шокированный таким хамским обращением и впал в ступор, не зная как поступить. Вроде бы это было сказано ласково, по-домашнему как наглой кошке, развалившейся на хозяйском месте, но речь-то шла о двух прелестных молодых дамах! И что самое странное, дамы восприняли это как должное: резво подскочили и, слова лишнего не говоря, послушно удалились в другой конец зала.

– Может, не стоит так... – промямлил я, решительно не понимая, как себя вести в такой ситуации. – Все-таки дамы...

– Да ну их в ж..., только место занимают, – небрежно отмахнулся Веня-мл. – Слушай, ну Вовочка дал, ну отчудил, ну это ведь вообще ни в какие ворота... Слушай, не думал, что он такой старый! Выглядит вроде бы моложе, намного моложе, хорошо сохранился... Слушай, ну это же ведь хит сезона! Вот это кошмар так кошмар, вот это плюшка...

Тут его понесло в е... ммм... в ковыли, пожалуй: суровая тайна, незаконнорожденный наследник, Наташа Ростова, первый бал, вывод в свет – и прочая и прочая, и все это взмахом, с брызжущим во все стороны энтузиазмом, подмигиваниями, похлопываниями по спине, по плечу и даже (или показалось?) осторожными поглаживаниями-касаниями подбородка и щеки, было два таких мутных момента, я так и не понял, что это такое, и не определился, как реагировать.

В общем, я сообразил, что произошла досадная неточность и Веня-мл. простодушно принял меня за бастарда Домовитого (читай, незаконнорожденного наследника, которого до сего момента тщательно скрывали от общества). Следовало, конечно, сразу и решительно пресечь все эти инсинуации, но, огорошенный бешеным напором нового знакомца, я даже слова вставить не успевал, а только мямлил что-то по ходу его бурных излияний и с тупым видом сосал пиво.

Пиво было просто великолепное, как, впрочем, и все остальное на этой «кухоньке» и в этом доме вообще.

В тот момент, когда я таки собрался с духом и набрал было в грудь воздуха, чтобы расставить все на свои места, Веня-мл. жестом остановил меня, озабоченно глянул на часы и кому-то позвонил. Коротко отговорив по мобильному, он подмигнул мне и свойски уведолил:

– Подожди пару минут, тут мне пыхнуть подвезли... Ты уже пробовал «светлячка»?

Я в курсе, что такое «пыхнуть». Нет, про «светлячка» я слышу впервые и вообще, такими вещами без крайней необходимости не балуюсь, но...

– Слушай, да ты у нас вообще целка! – мое замешательство почему-то вызвало у Вени-мл. приступ радостной эйфории. – Готовься, сегодня будем тебя обращать в это, как его... Гхм-кхм... В общем, погоди маненько, сейчас сбегая, сам «пыхну» и тебе принесу...

И умчался прочь, забыв свою страшную маску на столе.

* * *

Оставшись один, я некоторое время тряс головой, пытаюсь избавиться от прилипчивой ауры Вени-мл., и приходил в себя: общение с таким напористым, говорливым и безалаберным существом – это серьезный стресс для любого неподготовленного человека.

Увы, увы, пока Веня-мл. оглушал меня своим журчанием, все нужные люди покинули «кухоньку»: Иры и Лены не было, Юра со своими спутницами тоже куда-то испарился, так что некого было спросить, где следует искать моих девиц.

Удрученный таким бедственным положением дел, я решил проявить вредность: не стал ждать, когда Веня-мл. принесет мне «пыхнуть», и спустился в винный погреб.

После всего увиденного в этом доме погреб меня уже не удивил. Нормальный такой монастырский подвал: грубо тесанный камень, чугунные фонари под сводчатыми потолками, штабеля бочек, стеллажи и стойки с бутылками – в общем, все очень здорово, если загнать сюда полк отъявленных спортсменов-трезвенников, через месяц они выползут на свет божий конченными алкоголиками.

За круглым дубовым столом сидели наши, потягивали вино и внимательно слушали дико волосатого деда, облаченного во фланелевую пижаму с бегемотиками. На столе возвышалась целая батарея бутылок, несколько ковшиков и просто стеклянных банок с нектарами разных оттенков, от густо-красного до нежно-золотистого.

Во взгляде Спартака светилось пьяное счастье: по-моему, он уже так «наслушался», что теперь вряд ли выйдет отсюда своим ходом.

Дед вещал увлеченно и неистово, наглухо выпрыгнув из реальности и надежно затягивая слушателей в бурлящий водоворот своей стихии: я сразу уловил фамильное сходство с Веней-мл. и подумал, что такое разнузданное витийство – это, пожалуй, вполне наследственное заболевание. Надо будет потом у доктора спросить, наверняка он в курсе всех местных семейных недугов.

– А вот и Алекс! – торжественно представил меня доктор. – Самый молодой эмм... член нашего коллектива.

Дед неохотно прервал повествование, испытующе посмотрел на меня, словно бы взвешивая, стоит ли тратить время на такое недоразумение или сразу же послать подальше, и неожиданно уточнил:

– Где, говорите, у вас виноградники?

«Сумасшедший!» – с тревогой подумал я и на всякий случай приготовился задать деру.

– Эмм... Понимаете... Мгм...

– Дядя в Аргентине, – весело подсказал доктор.

– Точно! – приободрился я. – У меня в Аргентине...

– Есть, есть Аргентина! – дед широким жестом махнул в глубь погреба. – Девятнадцатый стеллаж, четвертая полка, слева направо первая дюжина, «Мальбек» 95-го года. Хватайте, тащите, пейте, молчите – и слушайте, слушайте, СЛУШАЙТЕ, черт вас дерит!!!

Ошеломленный таким мощным напором, я послушно прогулялся к девятнадцатому стеллажу, взял первую слева бутылку с четвертой полки, вернулся к столу и с минуту торчал столбом, не зная что предпринять. За стол никто не приглашал, однако же и прочь не гнали, и вообще, нашим было не до меня, они по уши увязли в секретах и нюансах виноделия. Дед не просто читал лекцию, как это обычно делают наши скучные профессора в сонной аудитории – он вовлек всех присутствующих в беседу и заразил своим винным фанатизмом: наши наперебой задавали вопросы, охали, удивлялись, не верили и сомневались, а Спартак даже умудрялся аргументированно спорить (практика, однако, наш инженер в этом плане тоже не лыком шит!) – и все это под перманентную дегустацию элитных сорт вин.

Так что, как видите, время они тут проводили очень даже недурственно.

Убедившись, что особого приглашения не будет, я без спроса уселся за стол, откупорил «свою» бутылку и методически грамотно влился в беседу: «Мальбек» был просто великолепным, о чем я немедленно сообщил деду, и течение дискуссии тотчас же перескочило на аргентинские вина.

В общем, не буду травить душу, не всем ведь довелось побывать в таком замечательном погребе. Скажу только, что было все чудесно и гармонично, и мы наверняка остались бы там до утра, а может, вообще насовсем, и тогда вам пришлось бы читать в серии «Бункер» семьдесят девять томов «Вино-1», «Вино-2», «Вино-3», ихх-ой...» и так далее. Но через

некоторое время, когда всем уже было хорошо и весело, прибежал зловредный мажордом с испуганным лицом и сообщил, что нас зовут на аудиенцию.

– Да что же это за бардачный дом такой!!! – яростно возмутился дед. – Вот всегда такая хренотень, на самом интересном месте забирают всю компанию, гады! Идите уже, идите – если выпустят живыми, возвращайтесь скорее, я вас подожду...

Глава 3 «370-й». Подмена

Насчет гостей, разумеется, Хронос просто пошутил. В Инкубаторе гостей не может быть по определению. Здесь бывают только свои и только по делу.

В штабном бункере, помимо «местного» Ворона, Руслана поджидали трое: Директор Инкубатора, Феликс и невысокий плешивый мужчина весьма интеллигентного вида.

Феликс – руководитель «выпускного» проекта, в котором участвует Руслан, а товарища с плешью он видит в первый раз, но, совершенно определенно, это «стилет». Других на Третьем Полигоне просто не бывает (единственное исключение – Директор), здесь своя замкнутая система, в которой нет места посторонним.

Действующие «стилеты» бывают в Инкубаторе по двум поводам: чтобы забрать младшее «мясо» для практики или вывезти выпускника на индивидуальный проект, вроде того, в котором участвует Руслан.

Руслан смотрел на старших братьев с почтением и едва ли не обожанием, как и подобает любому салаге.

Хотя, если разобраться, «салага» в данном случае – это очень условно и субъективно. Феликсу и его интеллигентному напарнику лет по тридцать пять, они «в игре» полтора десятка лет, так что да, для них Руслан зеленый салажонок.

А по общепринятым меркам, девятнадцатилетний курсант выпускной группы – Мастер с большой буквы.

У Руслана колоссальный «настрел», почти десять лет интенсивной боевой учебы, и трехлетний командировочный стаж выполнения СБЗ¹ в «горячих точках» на территории России и за рубежом.

Нет, воспитанникам Инкубатора никто специально не прививает нарочитый пиетет к старшим товарищам. Такими глупостями здесь заниматься некому и некогда. Здесь все оценивают друг друга исключительно по степени мастерства и боевым параметрам. Эти самые воспитанники, как говорилось выше, регулярно выезжают на практику и имеют возможность наблюдать работу действующих «стилетов» в древнем формате обучения «делай как я». Отсюда и пиетет. Как говорится, ничего личного, просто дань уважения мастерству старших товарищей.

– А вот и наш «сумасшедший сынишка», – Феликс придирчиво посмотрел Руслана и прицепился к Ворону: – Так, а почему красный?

– Да, красный – это нехорошо, – живо поддержал интеллигентный товарищ. – Бракoванный, что ли?

– А точно такого же, но белого, нету? – не отставал Феликс. – С перламутровыми пуговицами?

– Нету, – пробурчал Ворон. – Не завезли.

– Ясно. Нагрузка – алкоголь? – уточнил Феликс.

– Верно.

– Давно?

– Да уже больше получаса. Только что из «склепа» выполз.

– Из «склепа», значит... – Феликс с напарником переглянулись и ностальгически вздохнули. – Да, склеп – это серьезно. Но... Ты что-то того... Неправильную нагрузку ему дал.

---

¹ Служебно-Боевые Задачи (официальная аббр.).

– А я при чем? – Ворон вдруг покраснел и стал оправдываться, словно это были не его бывшие воспитанники – может, перед Директором неудобно стало. – Он сам из Раздачи вытащил. Да и вы тоже хороши: предупреждать надо! У него карантин только через месяц, так что я тут вообще с краю, все было строго по Уставу.

Совершенно верно, первоначально старт проекта был назначен на 8 Марта. В принципе, Руслан вызубрил «дидактический материал» и в теории готов «выступить», но сейчас выясняется, что сроки сдвинулись почти на два месяца, и это не очень здорово. Перед «премьерой» неплохо было бы провести тренировку с полным прогоном, а потом и «генеральную репетицию»...

– Да не переживай, старина, – Феликс ласково похлопал ветерана по плечу. – Никто тебя и не винит, это мы просто так шутим.

– У меня сегодня что-то неважно с юмором, – пробурчал Ворон. – Если не торопитесь, давайте отправим его на «выводку», через пару часов будет как стеклышко.

– Не успеваем, – отказался Феликс. – Часа через три инфильтрация, как раз добраться до места и по дороге решить ряд вопросов.

– Какие-то проблемы? – уточнил до сего момента молчавший Директор – похоже, он был не в духе и слегка нервничал.

– Все нормально, – успокоил его Феликс. – Как он нагрузку переносит?

– Отлично переносит! – оживился Ворон. – Он без проблем примет еще два раза по столько! Он справится.

«Вот же врун! – ужаснулся Руслан. – А ну как захотят проверить?!»

– Хорошо, берем красного, – кивнул Феликс. – Пусть выпьет литр воды, напугает «белого го...еда», да поедем уже, нам надо спешить.

– Сейчас сделаем, – Ворон кивнул Руслану. – Пять минут на процедуры – и бегом к шлюзу...

* * *

Через десять минут Руслан и двое старших «стилетов» выехали из ворот КПП Инкубатора в фирменном микроавтобусе «МЕТЕО-ТВ» и взяли курс на юго-восток.

Директора за ненадобностью оставили на базе, он вообще-то заходил только для того, чтобы провести «стилетов» через общий КПП. Инкубатор – это ведь не только Третий Полигон. Тут ряд самостоятельных «хозяйств» под одной «крышей», каждое со своими индивидуальными доступами и допусками, а все вместе они подчиняются Директору.

За рулем был специалист из группы обеспечения. Младший и старшие «стилеты» сидели в салоне, который отделяла от кабины звуконепроницаемая перегородка, и напряженно работали: приводили информационную базу исполнителя в соответствие с актуальной конкретикой намечающегося вечернего мероприятия.

Основным массивом информации Руслан владел, но за последнюю неделю поступило немало новых данных, поэтому нужно было быстро воспринимать на слух, повторяя и подтверждая каждую более-менее значимую деталь. Перед выездом Руслан выполнил рекомендованную процедуру, но до сих пор был пьян, так что приходилось здорово напрягаться, чтобы надежно впитать всю поступающую информацию.

«Черт... А ведь есть же на свете люди, которые добровольно пьют эту гадость! – пыхтя от напряжения, думал Руслан. – Это ж как надо себя не любить, чтобы такое... добровольно...»

Одной лишь информационной обработки старшим было мало. Когда выехали на трассу, они принялись на пару брить Руслана специально припасенными для такого случая аксессуарными.

Брили на светофорах, в ритме движения: стоим – бреем, поехали – пауза. Прозвучала ценная мысль, что надо побрить очень чисто, без порезов и раздражения. В таких условиях

это непросто, но «стилеты» – мастера на все руки, и уж если за что-то берутся, то делают это на пять с плюсом, так что насчет качества исполнения Руслан даже и не сомневался.

Сомнения были по факту самого деяния.

Старшие дали команду «бум бриться», а зачем, собственно, бриться, объяснить забыли, так что Руслан послушно подставлял голову и удивлялся.

Бритый наголо «стилет» в приличном доме – это не просто нонсенс, а своего рода оперативный «косяк».

В норме «стилет» не должен вызывать у окружающих никаких опасений. Более того, рядом с ним всем подряд должно быть уютно и комфортно. «Стилетам» категорически противопоказано «качаться» с отягощениями, носить экстравагантные наряды, делать модные прически и вообще, хоть как-то отличаться от основной массы публики. В идеале «стилет» должен казаться рохлей, лоботрясом, рассеянным интеллигентом и прочими неброскими персонажами в том же безопасном формате.

Соответствовать этому требованию достаточно сложно: в результате колоссальной физической нагрузки все «стилеты» более всего похожи на гончих, они жилистые, поджарые, и когда не нужно притворяться, двигаются с ловкостью кошки. Для того чтобы сгладить эти «недостатки», «стилеты» с детства тренируют нарочитую расхлябанность, расслабленность, шаркающую походку и прочие неуклюжие манеры, делающие их похожими на перечисленных выше персонажей.

Бритый наголо человек – это своего рода вызов. У многих сразу возникают ассоциации с бандитами, скинхедами, спецназовцами и прочими агрессивными типами боевой направленности. У нормальной публики бритые личности вызывают закономерное повышение тонуса, так что о комфорте и незаметности в этом случае говорить не приходится.

Побрив неопита, коллеги sprыснули ему голову приятно пахнущим лосьоном и некоторое время любовались результатами своей работы.

– В общем-то похож, но разночтения есть, – оценил Феликс.

– Постарайся все время быть в движении, – посоветовал «интеллигент». – Избегай ситуаций, когда на тебя будет пристально смотреть на средней дистанции кто-то из близких при нормальном освещении.

– Да, не будь статичным, – поддержал Феликс. – Ходи с платочком, регулярно «сопли вытирай», в общем, крути мордашкой. В принципе, на свету тебе придется быть недолго, но какое-то время надо соблюдать осторожность.

Тут старшие спохватились и объяснили необходимость цирюльных работ: оказывается, с неделю назад на объекта снизошел новый каприз и он (объект, а не каприз) теперь бреется наголо.

Да уж, еще одна свежая новость.

После бритья (возможно, в роли провокационного фактора выступил лосьон) у Руслана начался «отходняк» и его замутило. Для запуска механизма саморегуляции достаточно было ненадолго впасть в медитативный транс, но сейчас было не до этого, старшие начали прогонять по второму кругу всю информацию, нужно было быстро отвечать на вопросы и подтверждать, что усвоил ключевые данные.

Однако старшие – ребята глазастые, заметили нехорошее состояние младшего, остановились у первого попавшегося супермаркета и купили литр айрана. Употребив некоторое количество напитка, Руслан, смущаясь и краснея, крепко порывал газиками, опять словил градус и почувствовал заметное облегчение: теперь было состояние приятного расслабления, примерно как после ста грамм хорошего коньяка.

Завершающую стадию повторного прогона информации трижды прервали насущные дела: доклад по ситуации, прокалывание уха и эпиляция копчика.

Звонил некто из района проведения операции, по половине разговора Руслан понял, что объект таки вызвал дилера и тот обещал быть меньше чем через час.

– Да кто бы сомневался, – отреагировал «интеллигент». – Как же это можно, в такой праздник, и без «светлячка»...

На очередном светофоре Руслану прокололи ухо для серьги. Прокололи мастерски, без крови, и это тоже было нормой, по части прикладной анатомии «стилеты» вряд ли уступят опытному хирургу.

Перед следующим светофором стали решать вопрос, брить ли копчик, и тут у старших получилось небольшое разногласие. Полноценные волосы на копчике у младшего отсутствовали, а был там легкий пух, примерно такой же, как на плечи у «интеллигента». Феликс решил, что надо бы на всякий случай сбрить, а «интеллигент» сказал, что не обязательно. Руслан подумал, что это из солидарности: у меня пух, у тебя пух, пусть растет и размножится.

– А сам как думаешь? – спросил Феликс.

Руслан от неожиданности растерялся: впервые в жизни действующий «стилет» интересовался его мнением.

– Чего молчишь?

– Пластырь лепил много раз, на разные места, никогда ничего не брил, – нашелся Руслан. – Но если есть время и возможность подготовиться, почему бы не побрить?

– А ты хитрож...й, – одобрил Феликс. – И нашим и вашим.

– Я бы назвал это, допустим, конформизмом, – смягчил формулировку «интеллигент». – Это хорошо, продолжай дальше в том же духе.

После этого Руслану таки обрили копчик и sprыснули все тем же лосьоном. На этом, собственно, первая фаза подготовки к операции была завершена, и старшие коллеги спросили, есть ли у Руслана вопросы.

«Стилета» с детства приучают не проявлять досужее любопытство.

Все что надо по задаче, до тебя доведут.

Если не довели, значит не надо.

Есть острое желание узнать что-то сверх основного массива информации, доходи до всего сам, тренируй наблюдательность, логику и эвристическое мышление: при твоём роде деятельности это будет основой выживания.

Но сейчас как раз такой случай, когда можно невозбранно спрашивать все что угодно.

Операция сдвинулась на два месяца. Это значит, что в каждой фазе будет присутствовать некоторая доля экспромта и в итоге общий процент риска заметно возрастет.

Это совсем не в стиле «стилетов», которые все операции такого рода готовят долго и тщательно, выверяя каждую мелочь и доводя общий план до совершенства.

Сейчас вполне уместно было бы спросить, чем вызван сдвиг по срокам, но из новых условий задания и так все ясно. Три объекта под одной крышей – вот ключевое условие, которое послужило причиной такой необычной для «стилетов» поспешности. Своего рода прикладная астрология «все звезды в одном доме», редкая удача, когда можно совместить три кропотливые, длительные и дорогостоящие операции в одну.

То есть риск, безусловно, есть, но он оправдан и со всех сторон мотивирован.

– Вопросов нет, – после минуты раздумий сказал Руслан. – Я готов.

– Умный мальчик, – похвалил Феликс. – До всего допер сам. Расслабься, отдохни, через четверть часа будем в районе...

* * *

Пока два с половиной «стилета» томно катались, брились и «прокачивали инфо», добрые люди перехватили дилера и с ходу приступили к тюнингу его машины.

Неподалеку от района проведения операции располагалось дачное товарищество «Трапезунд». Когда микроавтобус «МЕТЕО-ТВ» заехал во двор одной из дач, там всю кипела работа: двое спецов выкинули из машины дилера все сиденья и теперь резали в днище отверстие, совпадавшее по конфигурации с одним интересным люком, на который этой машине вскоре предстояло заехать.

Было очевидно, что это не «стилеты», больно крепкие и дородные хлопцы, скорее всего, спецназовцы из группы обеспечения.

– Это моя «эвакуация»? – уточнил Руслан, кивнув в сторону спецов.

– Угадал, – подтвердил Феликс. – Тот, что режет, механик, водила-ас. Тот, что помогает, его дубль, нормальный водила, неплохой боец прикрытия. Надеюсь, до этого не дойдет, но... Лишним не будет. Они будут ждать тебя в точке «Б» вон на том транспорте...

Тут Феликс указал на «Лендкрузер» с наваренными дугами, притаившийся в глубине двора под зимней масксетью.

– Пошли, глянем, как идет дознание, – предложил «интеллигент».

Старшие и младший зашли в нетопленный дачный домик и пообщались с коллегой: там был еще один «стилет», который уже успел выдавить из пленного всю необходимую информацию и мимоходом склонить его к добровольному сотрудничеству.

Это тоже своего рода норма. При необходимости «стилеты» умеют быть очень убедительными и даже в режиме жесткого цейтнота могут принудить к беспрекословному повиновению кого угодно, пусть это будет хоть самый конченный отморозок.

Дилер лежал на полу, скрючившись в луже крови, тихо всхлипывал и рыдающим шепотом просил:

– Пожалуйста... Пожалуйста, не надо! Я сделаю все, что вы скажете...

– Уклонялся от сотрудничества? – Феликс кивнул на лужу крови.

– Да, было немного, – с ленцой в голосе подтвердил «дознаватель». – Начал зачем-то рассказывать, «под кем ходит», какие они страшные и могучие и как всем нам будет плохо.

– Хмм... – Феликса, похоже, это развеселило. – Страшные, говоришь?

– Пожалуйста... – вновь заблеял дилер. – Я был не прав...

Тут дилеру позвонил объект и стал настырно допытываться, когда же тот привезет волшебный порошок. Под контролем «дознавателя» дилер ответил, что будет примерно через четверть часа, как подъедет, сразу позвонит.

– Умный мальчик, – похвалил Феликс. – Жалко только, что ты на меня не похож.

– Да ничего, уже темнеет, – сказал «интеллигент». – Главное, чтобы объект до машины дошел, а там разберемся.

Минут через пять спецы во дворе закончили работу.

Отверстие в днище прикрыли загодя приготовленной заглушкой, салон выстлали чистыми одеялами, а для водителя приспособили шипастый фитнес-мяч, зафиксировав его двумя ремнями.

Феликс позвонил кому-то, предупредил:

– Готовность десять минут...

...после чего Руслан разделся до трусов, сел вместе с Феликсом и «интеллигентом» в машину дилера и они убыли к месту проведения операции.

* * *

К тому моменту, когда прибыли в пункт назначения, уже совсем стемнело.

Вокруг были богатые усадьбы, хорошо освещенные снаружи стилизованными под старину уличными фонарями, повсюду приветливо мигали и переливались радостными огоньками разноцветные гирлянды, со всех сторон неслась музыка и упоительные ароматы работавших с полной нагрузкой господских кухонь, проникавшие в салон даже сквозь закрытые стекла.

Кружа вокруг фонарей ленивой белой мошкаррой и гармонично дополняя рождественский антураж, неспешно и величаво падал снег.

Руслану внезапно стало грустно.

У людей праздник, все вокруг так красиво и сказочно... но «стилеты» уже здесь, так что очень скоро прольется кровь, и для многих людей этот праздник превратится в страшный кошмар.

Если абстрагироваться от гирлянд и всеобщего праздничного антуража, для Руслана все здесь было привычно и знакомо. Примерно так же все устроено в двенадцатом секторе родного полигона, где он провел бесчисленное количество часов интенсивных тренировок.

Миновав величественный дворец, принадлежавший семейству «объекта», «стилеты» прокатились вдоль забора огромной усадьбы и встали метрах в ста от ворот, заехав на люк.

«Интеллигент» убрал заглушку и сориентировал Феликса, управляющего машиной. Феликс сделал несколько экономных маневров, и отверстие в днище зависло точно над габаритами люка.

Интеллигент тихонько отстучал гаечным ключом нехитрый код по крышке люка, крышка тотчас же уехала в сторону.

Под люком была водосборная камера, в которой хозяйничали двое типов в рабочих спецовках.

А вот это были «стилеты».

Нет, на спецовках у них не было аршинных надписей «Stiletto», и отнюдь не «стилетная» комплектация была для Руслана основным определяющим признаком.

Здесь, пожалуй, работал принцип «волк волка чует».

Руслан определял собратьев по ремеслу «с точностью до миллиметра»: и «дознавателя» – сразу, как вошел на дачу, понял, что это не спец из группы обеспечения, и этих двоих в камере под люком, хотя они с первого взгляда более всего были похожи на заурядных сантехников.

Это было, скорее, шестое чувство, наитие, выпестованный многими годами общения с себе подобными изгиб восприятия, лежащий вне рационального мышления и тривиальной логики.

Пять «стилетов» на операции – это своего рода показатель.

«Стилет» – это в первую очередь командир, организатор и топ-менеджер. Это сам себе командный центр и оперативный штаб. Он имеет доступ к лучшим людским ресурсам страны, по линии ФСБ, ГРУ и прочих солидных ведомств может выбирать кого угодно, не отчитываясь при этом ни перед кем, кроме Верховного, от которого получает непосредственную задачу.

Бывает так, что на одного «стилета» разом работают более сотни человек, спаянных в единую команду интересами задания, и вся эта команда генерирует тонкие многоходовые комбинации, которые длятся много месяцев. Обычно в таких случаях элементы обеспечения и оперативного сопровождения работают автономно, не соотносясь друг с другом, и это делается вовсе не в угоду классике жанра, а просто чтобы сохранить людей.

Бывает так – если «топ-менеджер» дал маху, – что некоторые бойцы и специалисты из обеспечения расположены в оперативной схеме и элементах боевого расчета не совсем правильно, в результате чего пересекаются с другими элементами и могут сложить воедино несколько слоев информации с намеком на общую картину.

Тогда их приходится устранять, а это нерационально.

Людской ресурс ограничен, хороших специалистов не так уж и много, так что людей нужно беречь.

Однако бережливость – это не повод для экономии: по количеству участников операции «стилета» никто и никогда не ограничивает, так что сторонних специалистов привлекают всегда ровно столько, сколько нужно по условиям задачи.

Так вот, сегодня Руслан заметил интересный перекоп в соотношении «стилеты – обеспечение».

Сторонних специалистов сегодня трое: водитель микроавтобуса «МЕТЕО-ТВ» и двое здоровяков из группы эвакуации.

А «стилетов» пятеро.

И все выступают в роли простых исполнителей.

В Вооруженных силах России внезапно кончились специалисты?

Никак нет. Скорее всего, это просто очень серьезная операция. Можно сказать, беспрецедентная.

Вполне может быть, что это только начало каких-то грандиозных катаклизмов планетарного порядка, которые в последние несколько десятков лет запускаются именно при помощи «стилетов» и им подобных «инструментов», обслуживающих интересы Верховной Власти...

К стенке камеры был прикреплен кронштейн с тремя крючками, на которых висели следующие полезные штуковины:

– фонарь с рассеянным мягким светом, широким конусом освещающий дно камеры;

– раскрытая сумка с хирургическим инструментом и перевязочным материалом;

– крупный отрез тонкой материи с плотным металлическим напылением.

– Готовы? – уточнил «интеллигент».

– Один момент, – кивнул один из людей в камере, натягивая медицинские перчатки. –

Пусть малыш покажет личико.

Руслан послушно свесил голову над краем люка, и человек в медицинских перчатках предупредил:

– Мы не совсем уверены, какой модификации у него «поводок». Если одной из последних, придется вскрывать тебе копчик, так что будь готов.

Так, еще одна новость. Была информация, что «поводок» одной из первых модификаций, так что предполагалось, что его всего-то лишь будут приклеивать пластырем. Насчет вариантов с хирургией никто и словом не обмолвился.

– Это не опасно и не очень больно, – продолжал человек в перчатках. – Но надо будет действовать очень быстро.

– Если время блокировки сигнала превысит тридцать секунд, это будет воспринято уже не как сбой, а как активность, – добавил второй человек в камере. – Поэтому слушай очень внимательно. Как только поступит команда, немедленно прыгаешь сюда. Не мешкая. Если не успеешь убрать «объект» в трубу, прыгаешь ему на голову. Ты все понял?

– Понял, – кивнул Руслан. Вот теперь хмель окончательно выветрился из организма.

– Ну все, мы готовы, – сказал человек в перчатках.

Феликс связался с «дознавателем»: пусть дилер звонит «объекту» и сообщает, что он на месте.

Через пару минут позвонил «дознаватель»: «объект» оповещен, вприпрыжку дует к вам, принимайте.

– Собрались, – скомандовал Феликс. – Готовность номер один...

* * *

Руслан смотрел в бинокль на ворота усадьбы и равномерно дышал по системе для поддержания в норме терморегуляции.

Без одежды в салоне было холодно, а накинуть в присутствии старших на себя одно из устилавших пол одеял он стеснялся. Подумаешь, какие нежности, полчаса посидеть в трусах...

Наблюдая за воротами, Руслан невольно сравнил ситуацию с «Раздачей» в командном бункере.

Здесь тоже все подчинено привычной игре Случая. Обстоятельства кидают кубики, а команда на ходу встраивается в выброшенную нагрузку.

«Объект» – неохраняемое лицо. Папа у него в полном порядке, можно сказать, трижды «в шоколаде», поскольку со всех сторон прикрыт положением и статусом. Поэтому персональных бодигардов у детеныша нет.

Персональные «телки» – это обычно по ситуации, «под задачу», при наличии соответствующих вызовов.

Или, попросту говоря, если есть хотя бы даже малейший намек на перспективу, что VIP-детеныша могут украсть или убить. Это две разные задачи, по каждой применяется отдельный тип охраны и обеспечения, но сейчас это не суть важно, поскольку папа у «объекта» в полном порядке и уверен, что его детенышу ровным счетом ничего не угрожает.

Итак, бодигардов у «объекта» нет, а есть «сопровождение»: отставной военный, известный спортсмен, друг семьи, человек, обязанный папе по горло, нянька и надзиратель в одном лице – некто Иван, или «гризли», как его зовут друзья.

Для того чтобы успешно «пыхнуть», детеныш должен оторваться от надзирателя. Наблюдение показало, что он изрядно преуспел в такого рода оперативных комбинациях, так что их появление вместе практически исключено.

Однако есть варианты.

Если вместо «объекта» к машине пойдут секьюрити – старт с места с пробуксовкой, перенос операции.

Если секьюрити попрутся сразу же вслед за «объектом» – тот же самый старт, перенос операции.

То есть получиться может по-разному, но, скорее всего, «объект» прибежит в гордом одиночестве. Он уже почти взрослый и крайне вредный, так что секьюрити стараются лишней раз не портить отношения с молодым господином и, как показало наблюдение, в таких случаях попросту втихаря докладывают «няньке» об отклонении от маршрута.

Так что при нормальном варианте, времени на подмену должно хватить с избытком: пока информация дойдет до няньки, пока он возьмет ноги в руки (а сейчас, между прочим, праздник, в усадьбе давно и крепко гуляют) и доберется до ворот, глядишь, удастся сработать вполне комфортно, и не придется принимать какие-то экстренные меры...

Вскоре из ворот показалась одинокая фигура и поспешно направилась к машине.

– «Объект», – доложил Руслан, мгновенно опознав человека, на которого ему пришлось любоваться во всех мыслимых проекциях последние несколько недель.

– Приготовились, – скомандовал Феликс.

«Объект» добежал до машины и нетерпеливо постучал в окно.

«Интеллигент» гостеприимно распахнул левую заднюю дверь.

– Быстрее, Ванька на хвосте! – тревожно пробормотал «объект», просовываясь в проем и привычно собираясь плюхнуться на «заднее сиденье». – Ой, б...!

Сиденья, увы, не было, но плюхнуться прямо на пол не дали: «интеллигент» с Русланом бережно подхватили «объекта» под белы ручки и в мгновение ока стравили его в люк.

«Хирург» крепко обнял юношу со спины и прижал к его лицу маску.

Второй номер, не дожидаясь релаксации, тотчас же принялся сдирать с гостя одежду и передавать ее наверх.

Спустя несколько секунд «объект» перестал дергаться и затих. Одежда уже была в салоне, над люком натянули ту самую материю с металлическим напылением, зафиксировав ее стальными зажимами, так что сверху не было видно, что там делается внутри.

Вскоре «хирург» содрал материю и протянул наверх крохотную плоскую шайбу:
– Радуйся, у него КП-15.

«Интеллигент» приклепнул «шайбу» к копчику Руслана, прикрыл сверху теплоизолирующим элементом, заклеил небольшим пластырем, проутюжил как следует пальцами, затем сверху приклеил еще один пластырь, побольше.

КП-15 – это одна из первых модификаций «поводка» десятилетней давности. Передает координаты и мониторит температуру тела, на этом весь набор функций и заканчивается.

«Поводки» последних модификаций контролируют целый пакет параметров: температуру, давление, метаболизм, положение тела в пространстве, химический состав крови и еще ряд необязательных функций, настраиваемых под индивидуальные запросы клиента.

Папа «объекта» очень богатый человек и вполне может позволить себе прицепить «поводки» всем своим слугам. Но наличие у его сына устаревшей модификации – вовсе не скандальность, этому есть целый ряд простых объяснений. Как вариант, папа любит сына и не хочет лишний раз его резать. Вроде и звучит немного наивно, но тем не менее мотивация вполне уважительная. Как вспомогательный вариант: это то, о чем говорилось выше. Угроз и вызовов нет, необходимость в постоянном мониторинге целого ряда параметров отсутствует (а для этого, кстати, нужно держать в непосредственной близости от объекта круглосуточную «техничку»), «поводок» надежно и качественно показывает координаты и температуру тела и этого вполне достаточно.

Снизу передали серьгу. Руслан тотчас же вставил ее в ухо и принялся облачаться в одежду юноши.

В этот момент от ворот отделилась еще одна фигура – на этот раз чуть ли не вдвое большая, чем объект – и косолапо, вразвалку, припустила к машине.

Это был тот самый нянька-надзиратель, которому при нормальной выдаче «нагрузки» следовало бы сейчас беззаботно пьянствовать в недрах роскошного дворца или как минимум только-только выбираться из-за праздничного стола, причем выбираться с большой неохотой и ругательствами в адрес питомца и бдительных секьюрити вместе взятых.

– «Гризли», – тихо сказал Феликс. – Однако быстро он подобрался.

– Боюсь, нам тут будет тесновато, – «интеллигент» наклонился к отверстию искомандовал: – Браты, дайте место, пять секунд.

Двое внизу быстро затолкали бесчувственного юношу в трубу, «интеллигент» спрыгнул в камеру.

Руслан на всякий случай изготовился возле двери, но Феликс очень спокойным голосом сказал:

– Подвинься к багажнику, продолжай одеваться. Я разберусь.

Добравшись до машины, «грязли» рванул дверь со стороны водителя, просунулся в салон и, выдав мощный алкогольный выхлоп, куражливо рывкнул:

– Не понял, это че за х...я?!

В следующее мгновение Феликс неуловимым движением вогнал ему в ухо жало небольшого стилета и почти одновременно дернул на себя, втаскивая в салон.

Здоровяк обмяк, безвольным кулем перетек через мяч-сиденье и в неловкой позе завершил свой жизненный цикл рядом с Русланом.

«В одно касание. Графит бы похвалил» – машинально отметил Руслан. – «Однако форсмажор получился. В самом деле, этот нянька оказался каким-то нездорово-быстрым».

– Ты оделся? – все тем же спокойным голосом спросил Феликс.

– Я готов, – Руслан поправил застежку балахона и открыл заднюю дверь. – Все, я пошел?

– Да, малыш, двигай, – напутствовал его Феликс. – Свет уберем примерно через полчаса, у тебя будет время, чтобы осмотреться. Удачи...

Глава 4

Алекс Дорохов

Medico della Peste

Проходя по залу с печальным оркестром, мы пересеклись с Веней-мл. Усиленно вытирая нос платком, Веня-мл. ощупал каждого из нас изучающим взором, приветливо улыбнулся доктору и выдал дежурную скабрзность:

– С пациентами на променад?

– Влажный нос, это хорошо, – в тон выдал доктор. – Значит, это здоровое животное.

– Хмм! – одобрил Веня-мл. и летящей походкой припустил к «кухоньке».

– Занятный балахон, – оценил Степа, обернувшись вслед «здоровому животному». – С кровавым подбоем. Точь-в-точь как у того типа в парке, что аниматоров дубасил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.